

ХАРМИДЪ.

Х А Р М И Д Ъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Разговоръ, озаглавленный именемъ Хармида, Платонъ посвятилъ изслѣдованію разсудительности, одной изъ коренныхъ добродѣтелей въ нравственной философіи Грековъ. Разсудительность (*σωφροσύνη*) въ древней Греціи, какъ у насъ здравый смыслъ (*sensus communis, mens sana*), или еще больше,—благоразуміе (*prudentia*), принимаема была въ различныхъ значеніяхъ: это видно не только изъ содержанія разсматриваемаго теперь разговора, но и изъ того, что двѣ родственныя и по времени близкія одна къ другой философскія школы, Сократова и Аристотелева, составляли объ ней едва не противоположныя понятія. По мнѣнію Аристотеля ¹, разсудительность не имѣетъ мѣста въ области собственно душевныхъ дѣйствій: ея поприще—сфера чувственныхъ желаній и страстей; здѣсь, между этими движителями сердца, то возмутительными и дикими, то тихими и обаятельными, человѣкъ долженъ утвердить масштабъ, которымъ опредѣлялась бы золотая середина въ радостяхъ и печаляхъ, въ наслажденіяхъ и страданіяхъ. И этотъ масштабъ, эта мѣра удовольствій, это Делфійское *μηδὲν ἄγαν* (ничего слишкомъ) есть не что иное, какъ *σωφροσύνη*. Такое понятіе Аристотеля о разсудительности заставило римскихъ ученыхъ разумѣть ее уже

¹ Eth. Nicom. III. 13. 14.

не какъ разсудительность, но какъ воздержаніе, или умѣренность; а потому греческое *σωφροσύνη* они переводили словомъ *temperantia*. Въ послѣдующія же времена, когда философы разсматривали мнѣнія древнихъ болѣе по латинскимъ переводамъ, нежели по оригиналамъ, слово *temperantia* получило значеніе обширнѣйшее и почиталось тождественнымъ греческому *σωφροσύνη* не только въ смыслѣ Аристотелевомъ, но и Сократовомъ. Между тѣмъ Сократъ понималъ эту добродѣтель совсѣмъ иначе: подъ словомъ *σωφροσύνη* онъ разумѣлъ практическій разумокъ, или такое нравственное состояніе человѣка, въ которомъ всѣ силы его дѣйствуютъ по законнымъ своимъ нормамъ, не пересиливая одна другой и не измѣняя взаимнаго отношенія. Нѣкогда спросили Сократа: что такое разумокъ (*φρόνησις*)? — Благозвучіе души, отвѣчалъ онъ. Потомъ—на другой вопросъ: кто имѣетъ разумокъ? — Тѣ, сказали онъ, которые не легко погрѣшаютъ¹. Такимъ образомъ разумокъ, разсудительность, или здравомысліе (*σῶς* и *φρόνησις*), по его мнѣнію, есть красота души, гармонія ея силъ и согласіе внѣшней дѣятельности человѣка съ душевными силами². Что Сократъ и Платонъ имѣли точно такое понятіе о разсудительности, видно и изъ значенія объяснительныхъ выраженій, нерѣдко стоящихъ въ связи съ словомъ *σωφροσύνη*, или замѣняющихъ его. Такъ напримѣръ, *σωφροσύνη* часто представляется однозначущимъ съ словами *ἡ αἰδημοσύνη καὶ ἡ κοσμιότης*; въ Федонѣ (р. 83. E), Прота-

¹ *Stob.* serm. III. p. 96. *Σωκράτης ἐρωτηθεὶς, τί φρόνησις; εὐαρμοστία, εἶπε, ψυχῆς Ὁ αὐτὸς ἐρωτηθεὶς, τίνες φρόνημοι; οἱ μὴ ῥαδίως, εἶπεν, ἐξαμαρτάνοντες.* Сравни *Xenoph.* mem. III. 9. 4—5.

² Асть неправильно думаетъ, будто Сократъ почитаетъ разсудительность добродѣтелию опытною, противоположною мудрости, или наукѣ. Слова Платона (*Phædon.* 82. A. B.) *οἱ τὴν δημοτικὴν τε καὶ πολιτικὴν ἀρετὴν ἐπιτετηδεύοντες, ἣν δὴ καλοῦσι σωφροσύνην τε καὶ δικαιοσύνην, ἐξ ἔθους τε καὶ μελέτης γεγονυῖαν ἄνευ φιλοσοφίας τε καὶ νοῦ.* Также слова *сумр.* 209. A. *πολὸν δὲ μεγίστη, ἔφει, καὶ ἀλλοίωτη τῆς φρονήσεως ἢ περὶ τὰς τῶν πόλεων τε καὶ οἰκήσεων διακόσμησις, ἣ δὲ δομὰ ἐστὶ σωφροσύνη τε καὶ δικαιοσύνη,* подтверждаютъ только ту мысль, что разсудительность не зависитъ отъ теоретическаго знанія и не можетъ быть предметомъ науки, но простирается изъ нравственнаго настроенія души и обнаруживается особенно въ жизни практической.

горѣ (р. 322. (С. D.) и Горгіасѣ (р. 506 E. sqq.) говорится: *οἱ κῶσμοι καὶ σώφρονες*; а у Ксенофонта (Mem. III. 9. 4. IV, 5. Plat. Legg. p. 710. Phaedon. p. 69. E.) вмѣсто *σωφροσύνη* стоитъ *ἡ εὐταξία καὶ ἡ ἐγκράτεια*. Въ подобномъ значеніи Сократъ понималъ разсудительность и въ Хармидѣ.

Но должно замѣтить, что въ этомъ разговорѣ Платонъ, слѣдую обыкновенной сократической методѣ, не высказываетъ ясно и опредѣленно Сократовыхъ мыслей о разсудительности, а только приближаетъ читателя къ вѣрному о ней заключенію. Онъ имѣетъ въ виду два обстоятельства, существенно вредившихъ правильному и полному раскрытію этой добродѣтели въ греческомъ обществѣ: первое—то, что понятія о ней въ народѣ вообще были различны, неосновательны и произвольны; второе—то, что многіе поставляли ее въ одной способности рассуждать о всемъ, не зная и не дѣлая ничего. Обращая вниманіе на эти обстоятельства, Платонъ предположилъ себѣ цѣлю въ Хармидѣ—во первыхъ обнаружить шаткость и ложность людскихъ мнѣній о той добродѣтели, которую называли словомъ *σωφροσύνη*; во вторыхъ обличить хвастовство софистовъ, которые, будучи готовы рассуждать о всемъ и въ этомъ смыслѣ приписывая себѣ разсудительность, отнюдь не имѣли разсудительности, какъ добродѣтели, потому что она не есть чистая теорія. Истинное знаніе должно обнаруживаться жизнію, а иначе оно не было бы и истиннымъ; общее не можетъ ни существовать, ни приносить пользу, ни быть дѣйствительною добродѣтелію, не проявляясь въ частностяхъ. На это-то кажется мѣтить и Ксенофонтъ, когда говоритъ, что Сократъ не опредѣлилъ мудрости и разсудительности, а только сказалъ, что зная похвальное и честное, надобно пользоваться имъ, а зная постыдное, должно удалиться отъ него ¹.

Что именно такова цѣль Платонова Хармида, въ томъ увѣрится всякій, кто захочетъ безъ предубѣжденій вникнуть

¹ *Хенорѣ. mem. III. 9. 4. Σοφίαν δὲ καὶ σωφροσύνην οὐ διώριζεν, ἀλλὰ τὸν μὲν καλὰ τε καὶ ἀγαθὰ γινώσκοντα χρῆσθαι αὐτοῖς, καὶ τὸν τὰ αἰσχροῦ εἰδὸτα εὐλαβεῖσθαι.*

въ содержаніе, ходъ и направленіе разговора. Въ приступѣ къ нему (р. 153—158) Платонъ аллегорически показываетъ, какъ надобно понимать разсудительность въ смыслѣ добродѣтели; въ первой части (р. 159—164) опровергаетъ понятія о разсудительности, составляемыя легкомысліемъ и невѣжествомъ народа; во второй (р. 165—175) изслѣдываетъ, можно ли понимать разсудительность, какъ чисто теоретическое знаніе, или способность рассуждать о себѣ и о всѣхъ вообще знаніяхъ, безъ приложенія рассужденій къ самому дѣлу, и полезна ли она въ этомъ смыслѣ; наконецъ въ заключеніи (р. 176) говоритъ, что изслѣдованія собесѣдниковъ не открыли, какъ надобно понимать разсудительность, и Сократъ признаетъ себя неспособнымъ опредѣлить ее. Разсмотримъ всѣ эти отдѣленія подробнѣе и, кстати, обратимъ вниманіе на основанія Аста, по которымъ онъ не даетъ мѣста Хармиду въ числѣ подлинныхъ разговоровъ Платона.

Главные мысли вступленія таковы: Сократъ, по возвращеніи изъ Потидеи, приходитъ въ палестру и спрашиваетъ у встрѣтившихся съ нимъ знакомыхъ, въ какомъ состояніи теперь философія и кто изъ юношей въ настоящее время отличается мудростію и красотою. Критіасъ указываетъ ему на двоюроднаго своего брата Хармида, какъ перваго красавца; а Сократъ говоритъ: если у Хармида и душа въ красотѣ не уступаетъ тѣлу, то онъ непобѣдимъ; поэтому предлагаетъ рассмотреть ее. Зовутъ Хармида, который тогда жаловался на головную боль,—къ Сократу, который принялъ на себя роль врача. Послѣдній беретъся лечить голову какимъ-то листомъ и приговоромъ, безъ котораго листъ не можетъ имѣть дѣйствія; при томъ говоритъ, что этимъ средствомъ нельзя врачевать одинъ членъ, не врачуя цѣлаго тѣла, и нельзя также врачевать цѣлое тѣло, не врачуя души; а потому считаетъ необходимымъ начать пользованіе Хармида съ души его. Но Критіасъ увѣряетъ, что Хармидъ столь же разсудителенъ по душѣ, сколь прекрасенъ по тѣлу. Сократъ признаетъ это весьма естественнымъ, потому что, про-

исходя отъ Солона и Критіаса, юноша могъ по наслѣдству получить высокія качества души и склонность къ поэзіи: однакожь, чтобы узнать, нужно ли пользоваться Хармида, или нѣтъ, онъ спрашиваетъ его, что такое разсудительность?

Въ этомъ вступленіи, сказано, заключается положительное понятіе Сократа о разсудительности. Мы открываемъ его здѣсь слѣдующимъ образомъ: Сократу рекомендуютъ Хармида, какъ юношу, одареннаго красотою и получившаго отличное воспитаніе; но Сократъ признаетъ нужнымъ изслѣдовать, таковъ ли Хармидъ и по душѣ, каковъ по тѣлу, и это внутреннее состояніе души, долженствующее соотвѣтствовать внѣшнимъ свойствамъ его тѣла, называетъ разсудительностію. Значитъ, разсудительность, по его мнѣнію, есть здоровье, красота и гармонія души. Потомъ Сократъ беретъ въ врачевать Хармида посредствомъ приговоровъ, или полезныхъ бесѣдъ, и цѣлю такого врачеванія поставляетъ приобрѣтеніе разсудительности. Но мое лекарство, говоритъ онъ, можетъ быть полезно только въ томъ случаѣ, когда пользованіе будетъ начато съ души; по выздоровленіи же души, тѣло выздоровѣетъ само собою. Значитъ разсудительность есть не какое-нибудь познаніе, или богатство познаній, а нравственное состояніе, которое необходимо должно выразиться внѣшнею жизнію, правильною дѣятельностію и даже истиннымъ понятіемъ о разсудительности (р. 159. А). Не смотря на такую ловкость и дѣйствительно сократическій характеръ вступленія, Астъ находитъ въ немъ много несообразностей. По его мнѣнію, сочинитель Хармида, говоря здѣсь о родствѣ Солона съ Дропидомъ ¹, противорѣчитъ словамъ Платона въ Тимей

¹ Въ родственной связи Дропида съ Солономъ сомнѣваться нельзя: но что они, по показанію Прокла (ad Tim. p. 25), были родные братья, дѣти Экзекестіада, и жили въ одно время, что Дропидъ, по изслѣдованію Корсина (Fast. Att. T. III. pag. 78) и Меурсія (de Archont. Athen. I. 38), былъ архонтомъ за 593 года до Р. Хр. — это довольно сомнительно; потому что въ Хармидѣ говорится: «домъ вашего предка по мужескому колѣну, Критіаса, сына Дропидова, прославленный, какъ извѣстно, и Анакреономъ, и Солономъ,

аѳинскихъ тиранновъ, и потому Аѳиняне еще не имѣютъ причины обвинять Сократа за этого самовластителя ¹. Наконецъ Асту особенно не нравится здѣсь то, что Сократъ какъ будто увлекается вовсе не философическою любовію къ Хармиду, въ чемъ Атены (L. V. p. 187) укоряетъ и самаго Платона. Но если всѣ подобныя выраженія въ Платоновыхъ сочиненіяхъ понимать серьезно, въ значеніи буквальномъ; то надобно почестъ подложными и тѣ разговоры, которые самъ Астъ признаетъ несомнѣнными. Гдѣ больше толковъ о педерастіи какъ не въ Федръ и Пиръ? однакожъ эти бесѣды не только подлинныя, но еще въ составѣ Платоновыхъ сочиненій занимаютъ почетное мѣсто. Внимательный наблюдатель замѣтитъ, что эротическія выходки Сократа вездѣ прикрыты ироніею и имѣютъ смыслъ болѣе благородный. Ксенофонтъ справедливо замѣчаетъ: *πολλάκις γάρ (Σωκράτης) ἔφη μὲν ἀν τινὸς ἐρᾶν, φανερόν δ' ἦν οὐ τῶν τὰ σώματα πρὸς ὧραν, ἀλλὰ τῶν τὰς ψυχὰς πρὸς ἀρετὴν εὖ πεφυκότων ἐφιέμενος*. Притомъ Сократъ въ Хармидѣ говоритъ (p. 174. В): «мною, другъ мой, ничего не опредѣлишь: въ отношеніи къ красавцамъ, я—просто бѣлый шнуръ; мнѣ почти всѣ въ этомъ возрастѣ кажутся красивыми».

Въ первой части разговора Сократъ бесѣдуетъ съ однимъ Хармидомъ, который на вопросъ Сократа, что такое разсудительность, произноситъ три различныя понятія объ этой добродѣтели. Сперва онъ называетъ ее благопристойною дѣятельностію и тихостію, *τὸ κοσμίως πράττειν καὶ ἡσυχῇ*. Но Сократъ, не говоря ничего о благопристойности, *ἡ κοσμιότης*, такъ какъ она дѣйствительно есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ разсудительности, отвергаетъ только тихость, *τὴν ἡσυχίαν*. Тихость, говоритъ онъ, всегда и

¹ *Aeschin. adv. Timarch.* p. 169. ed. Reisk.—Судъ надъ Сократомъ между прочимъ ставилъ ему въ вину и то, что изъ его школы вышелъ Критіасъ, одинъ изъ жесточайшихъ Аѳинскихъ тиранновъ, убѣжавшій потомъ въ Тессалію. Этотъ самый Критіасъ извѣстенъ былъ и какъ поэтъ. Отрывки его стихотвореній дошли до насъ. См. *Critias tyranni fragm.* ed. V. Bach. Lips. 1827. 8.

во всемъ хуже скорости, слѣдовательно не можетъ быть чертою похвальною и достойною разсматриваемой нами добродѣтели. Потомъ Хармидъ поставляетъ разсудительность въ стыдливости. Но такъ какъ стыдливость сама по себѣ имѣетъ значеніе неопредѣленное и не всегда одобряется, напримѣръ, по словамъ Омира, стыдъ не добро въ человѣкѣ нуждающемся; то Сократъ находитъ и это понятіе недостаточнымъ. Наконецъ юноша предлагаетъ третье опредѣленіе разсудительности. Я слыхалъ, говоритъ онъ, что быть разсудительнымъ, значить дѣлать свое, *τὰ ἑαυτοῦ πράττειν*. Это мнѣніе въ самомъ дѣлѣ было въ ходу у тогдашнихъ философовъ ¹, и Платонъ не безъ основанія заставилъ Хармида сказать, что оно заимствовано имъ отъ другихъ. Не безъ причины также Сократъ догадывается, что Хармидъ слышалъ его отъ Критіаса; потому что Критіасъ вообще любилъ науки и, кажется, охотнѣе слушалъ знаменитыхъ софистовъ того времени, чѣмъ Сократа ². Впрочемъ Сократова догадка оправдывается и тѣмъ, что сынъ Каллесхра съ жаромъ вступился за истинность этого положенія. Но дѣйствительно ли оно истинно?—Надобно замѣтить, что Сократъ опровергаетъ его не какъ ложное, а какъ неопредѣленное, или неточное. Слова: дѣлать свое, говоритъ онъ, походятъ на загадку, то-есть буквально выражаютъ не тотъ смыслъ, который вѣроятно былъ въ умѣ человѣка, произнесшаго ихъ ³. Держась буквального значенія этихъ словъ, Сократъ умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: кто дѣлаетъ свое, тотъ дѣлаетъ то, что ему принадлежитъ, или его касается; разсудительный дѣлаетъ свое; слѣдовательно разсудительный дѣлаетъ то, что ему принадлежитъ, или его касается, значить, ткеть себѣ платье, шьетъ себѣ башмаки и проч.,—и все только себѣ, а не другимъ. Когда это

¹ Plat. Tim. p. 72. A.

² Plat. Tim. 20. A. Protag. p. 316. A. 336. D. E.

³ Выраженіе: дѣлать свое, имѣетъ различныя значенія: 1) дѣлать то, что меня касается, или мнѣ принадлежитъ; 2) жить для себя, а не для общества; 3) жить, какъ мнѣ хочется; 4) исполнять возложенныя на меня обязанности.

третье, предложенное Хармидомъ мнѣніе привело собесѣдниковъ къ столь нелѣпому заключенію; тогда Критіасъ поспѣшилъ поправить дѣло. Между словами *дѣлать* и *производить*, говоритъ онъ, есть различіе. Я согласенъ, что разсудительный можетъ заниматься и чужимъ; но въ такомъ случаѣ онъ производитъ, а не дѣлаетъ. Производительность иногда бываетъ безчестна, если относится къ предметамъ неизящнымъ: напротивъ дѣло, по словамъ Исіода, всегда честно. Притомъ, произведенное хорошо и съ пользою есть не *чужое произведеніе*, а *своя работа*. Соединяя эти мысли, Сократъ заключаетъ, что подъ именемъ *собственного* и *своего*, Критіасъ разумѣетъ *добро*, и дѣлами называетъ *произведенія людей добрыхъ*; а потому предлагаетъ вопросъ: точно ли разсудительность есть дѣланіе добра? и такимъ образомъ переходитъ ко второй части разговора.

Въ этой части Критіасъ сперва утверждаетъ, что человѣкъ разсудительный дѣлаетъ доброе и полезное: но чрезъ такое понятіе, разсудительность очевидно лишается отличительныхъ своихъ признаковъ, сливается со всѣми другими добродѣтелями, становится внѣ отношеній къ чувствованіямъ сердца, вводится въ міръ опыта и дѣлается игрушкою софистики. Поэтому Сократъ, желая обратить вниманіе собесѣдника на связь ея съ знаніемъ, какъ внутреннею, или духовною принадлежностію каждой добродѣтели, спрашиваетъ его: знаетъ ли дѣлающій доброе и полезное, что онъ разсудителенъ? — и когда тотъ отвѣчалъ положительно, продолжаетъ: а знаетъ ли врачъ, что, пользуя кого-нибудь, онъ дѣйствительно исцѣлитъ его, или—художникъ, что его работа непременно доставитъ ему выгоду? — На этотъ вопросъ, разумѣется, можно было отвѣчать только словомъ *иногда*; — и Сократъ заключаетъ: слѣдовательно человѣкъ разсудительный иногда не знаетъ своего, то-есть, того, что онъ разсудителенъ. Явно, что это заключеніе стоитъ въ связи съ предъидущимъ положеніемъ Критіаса. Выше было допущено, что разсудительный дѣлаетъ свое; но кто

хочетъ дѣлать свое, тотъ непременно долженъ знать его. Теперь Сократъ доказалъ, что разсудительный не всегда знаетъ свое; слѣдовательно онъ не всегда можетъ и дѣлать свое.

Опровергнутый такимъ образомъ, Критіасъ превращаетъ Сократово слѣдствіе и говоритъ: кто не знаетъ своего, тотъ и неразумителенъ; истинно разсудительный необходимо знаетъ себя, то-есть, дѣлаетъ доброе и полезное не иначе, какъ съ сознаниемъ, и это мнѣніе подтверждаетъ значеніемъ делфійской надписи. Но Сократъ, предположивъ умственно троякій смыслъ знанія, а именно: 1) знаніе, какъ форму, 2) знаніе, какъ матерію, или содержаніе и 3) знаніе, какъ произведеніе, или сочетаніе матеріи съ формою, хочетъ изслѣдовать, въ какомъ смыслѣ Критіасъ понимаетъ самознаніе, свойственное человѣку разсудительному, и спрашиваетъ: какое благо доставляетъ намъ разсудительность, какъ знаніе себя? Явно, что этотъ вопросъ клонится къ опредѣленію произведенія, или плодовъ, приносимыхъ самознаніемъ. Критіасу надлежало оправдать свое мнѣніе чрезъ приложеніе его къ наукамъ, искусствамъ и практической жизни. Но онъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи знанія—не одинаковы: однѣ изъ нихъ производятъ нѣчто осязательное, постигаемое чувствами; а другія дѣлаютъ то, на что, какъ на произведеніе ихъ, указать невозможно. Къ послѣднему роду знаній, по его понятію, относится и разсудительность. Эта мысль конечно справедлива, но не довольно ясна и заключаетъ въ себѣ болѣе формы, чѣмъ содержанія. Посему Сократъ требуетъ, чтобы Критіасъ опредѣленнѣе указалъ на матерію, или предметъ самознанія. Искусства считать и взвѣшивать, говоритъ онъ, не приносятъ плодовъ осязательныхъ; однакожъ числа и тяжести, которыми онѣ занимаются, суть нѣчто отличное отъ нихъ. Скажи же, Критіасъ, что бы такое было отличное отъ разсудительности, съ чѣмъ она имѣетъ дѣло? Этимъ вопросомъ сынъ Каллесхра поставленъ былъ въ необходимость найти послѣдній и частнѣйшій признакъ раз-

смаатриваемой добродѣтели въ самомъ предметѣ. Но вотъ отвѣтъ его: прочія искусства, говоритъ онъ, суть знанія не себя, а чего-нибудь другаго; одна только разсудительность есть знаніе самой разсудительности и прочихъ знаній. Кто не замѣтитъ съ перваго взгляда, что предметъ разсудительности, какъ самознанія, является здѣсь логическимъ понятіемъ и есть не болѣе, какъ чистая форма, — скелетъ науки, которую Фихте называлъ философіею? И какъ искусно Платонъ обличаетъ заблужденія Сократовыхъ учениковъ, которые, искажая мнѣнія своего учителя, бросали ихъ для потѣхи въ толпу софистовъ! Извѣстно, что Сократъ основалъ свою философію также на самопознаніи, слѣдовательно почиталъ ее знаніемъ знаній, то-есть, наукою человѣческой жизни и дѣятельности въ природѣ внутренней и внѣшней. Но этого знанія онъ не отдѣлялъ отъ предметовъ реальныхъ, этой науки не ограничивалъ предѣлами логическихъ понятій: его философія была практическою, его мудрость—аскетикою сердца, его умствованія—душею всѣхъ занятій даже въ самыхъ низшихъ слояхъ опыта. По сему, разсматривая послѣднее, чисто формальное положеніе Критіаса, сынъ Софрониска поставляетъ его въ совершенную противоположность съ своимъ ученіемъ и ищетъ въ немъ именно того, чего ни въ какомъ формализмѣ быть не можетъ, то-есть, возможна ли разсудительность, какъ знаніе разсудительности и другихъ знаній, и какую пользу она принесетъ намъ, когда мы будемъ имѣть о ней такое понятіе?

Приступая къ рѣшенію перваго вопроса, Сократъ предварительно условливается съ Критіасомъ понимать разсудительность не только какъ знаніе знанія и прочихъ знаній, но и какъ знаніе незнанія, потомъ умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: нѣтъ ниодной душевной силы и ниодной человѣческой дѣятельности, которая не направлялась бы къ извѣстному, отличному отъ себя предмету, а занималась бы собою. Какъ же возможно, чтобы разсудительность, если она есть знаніе знанія и прочихъ знаній, обращалась только къ

себѣ и имѣла предметомъ только себя? Обращаясь къ себѣ, она должна быть больше себя; потому что подлежитъ знанію, которое познаетъ ее: съ другой стороны, имѣя предметомъ знаніе, она конечно менѣе себя; ибо въ такомъ случаѣ знаніе подчинено ей ¹. Притомъ, если бы разсудительность, какъ знаніе знанія, была возможна; то она видѣла бы себя подъ какими-нибудь частными чертами, значить, отличала бы себя отъ себя. Такъ напримѣръ, если бы зрѣніе видѣло само себя; то безъ сомнѣнія имѣло бы свой цвѣтъ, какъ необходимое условіе зрѣнія: но это противорѣчитъ принятому положенію, которое, не выходя изъ предѣловъ логической формы, не приписываетъ разсудительности ничего реального. Между тѣмъ надобно быть великимъ человѣкомъ, говоритъ Сократъ, чтобы найти въ вещи такія свойства, которыя служили бы ей для ней самой; да и тогда еще осталось бы нерѣшеннымъ, это ли должно назвать разсудительностію.

Приведенный такими изслѣдованіями въ недоумѣніе, Критіасъ не можетъ сказать ничего дѣльнаго и только словами старается прикрыть свое безсиліе въ рѣшеніи Сократовой задачи. Посему Сократъ обращается къ другому вопросу: полезна ли разсудительность, какъ знаніе знанія и прочихъ знаній, даже самага незнанія? Предположивъ, что это понятіе справедливо, онъ приписываетъ разсудительному знанію того, что кто знаетъ и чего кто не знаетъ. Критіасъ, не давъ надлежащаго вѣса словамъ: *что* знаетъ и *чего* не знаетъ, охотно соглашается на его заключеніе: обладающій знаніемъ, говоритъ онъ, разумѣется, знающъ. Побуждаемый такимъ недоразумѣніемъ Критіаса, Сократъ объясняетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: знаніе, спрашиваетъ онъ, будучи

¹ Для объясненія этого умозаключенія, мы подвергаемъ такой же критикѣ нравственное начало самоусовершенія: *perfice te ipsum*. Кто стремится усовершенить себя; тотъ долженъ быть уже совершенъ (болѣе себя); потому что видитъ свои недостатки и умѣетъ исправить ихъ. Съ другой стороны, кто стремится усовершенить себя; тотъ очевидно несовершенъ (менѣе себя); ибо находить, что его качества ниже сознаваемой имъ мѣры совершенства.

знаніемъ знанія, можетъ ли различать что-нибудь кромѣ того, что это—знаніе, а то—незнаніе? и изъ отрицательнаго отвѣта Критіасова мало-по-малу выводитъ слѣдствіе, что человѣку разсудительному, поколику онъ имѣетъ только знаніе знаній, а незнакомъ коротко съ самымъ содержаніемъ ихъ, не можетъ быть извѣстно, кто и что именно знаетъ, также, кто и чего именно не знаетъ; а потому для человѣка разсудительнаго всѣ знанія сливаются въ одно безразличное, логическое знаніе, и всѣ знатоки стоятъ на одной общей степени научности съ незнатоками. Къ чему же ведетъ такая разсудительность? Что въ ней добраго и полезнаго, спрашиваетъ Сократъ? Она приносила бы великую пользу только въ такомъ случаѣ, когда бы знала, кто и что именно знаетъ, кто и чего именно не знаетъ; ибо тогда, съ ея помощію, мы поручали бы исполненіе дѣлъ только людямъ знающимъ, и потому у насъ все исполнялось бы превосходно.

Впрочемъ положимъ, продолжаетъ Сократъ, что разсудительность, какъ знаніе знаній, дѣйствительно знаетъ, о чемъ кто-нибудь имѣетъ познаніе и о чемъ—нѣтъ: но и въ такомъ случаѣ она не сдѣлаетъ насъ счастливыми. Не спорю, что подъ ея руководствомъ, люди пользовались бы здоровьемъ, спасались бы отъ опасностей, носили бы хорошую одежду, обувь и проч.: но все еще они не были бы счастливы; да и опытъ показываетъ, что нѣкоторые художники, хотя и обладаютъ знаніемъ своего искусства, однакожъ не наслаждаются благополучіемъ. Скажи же, Критіасъ, спрашиваетъ Сократъ, которое именно знаніе доставляетъ людямъ счастье.—Но Критіасъ не нашелъ ни одного, годнаго для этой цѣли. По крайней мѣрѣ то, о которомъ я спрашиваю, имѣетъ ли какой-нибудь предметъ?—Имѣетъ, отвѣчалъ Критіасъ,—добро и зло. Пришедши къ этой мысли, Сократъ заключаетъ, что благополучіе человѣка зависитъ отъ знанія добра и зла, и что прочія знанія тогда только могутъ быть полезны, когда будутъ развиваться подъ его условіемъ. Если же всѣ люди и во всѣхъ родахъ знаній получаютъ пользу только отъ знанія

добра и зла; то разсудительность, какъ знаніе знаній, вовсе бесполезна. Замѣчаешь ли, Критіасъ, слабость моихъ изслѣдованій? прибавляетъ Сократъ. Я не умѣлъ найти пользу даже въ разсудительности, которая безъ сомнѣнія должна быть чѣмъ-то весьма полезнымъ. Явно, что знаніе добра и зла, поставленное Сократомъ выше всякаго знанія, есть то самое здравіе души, та самая гармонія душевныхъ силъ и нравственной дѣятельности человѣка, на которую, какъ на истинную разсудительность, онъ указывалъ еще въ приступѣ къ Хармиду. Это подтверждаетъ и Ксенофонтъ ¹. Когда спросили Сократа, говоритъ онъ, должно ли почестъ мудрыми и разсудительными тѣхъ, которые, зная, что надобно дѣлать, дѣлаютъ противное, — онъ отвѣчалъ, что такіе люди отнюдь не мудры и не разсудительны; ибо изъ дѣлъ возможныхъ, по моему мнѣнію, всѣ охотнѣе совершаютъ дѣла, признаваемые особенно полезными. Здѣсь понятіе пользы Сократъ не отличаетъ отъ понятія добра, что справедливо замѣтилъ и Штейдлинъ (*Gesch. d. Moralphilosophie* p. 84 sqq.). Въ заключеніе разговора Сократъ снова обращается къ Хармиду и жалѣетъ, что отъ Критіасовой разсудительности онъ не получитъ ничего полезнаго; всего же болѣе жалѣю о томъ, говоритъ онъ, что и Фракійскій приговоръ оказался пустымъ дѣломъ, или лучше самъ я — плохимъ изслѣдователемъ. По этому, если ты, Хармидъ, дѣйствительно разсудителенъ, то меня почитай болтуномъ, а себя человѣкомъ счастливейшимъ. Но Хармидъ не знаетъ, разсудителенъ онъ, или нѣтъ, и рѣшается подвергнуться дѣйствию Сократова приговора.

¹ *Xenoph. mem.* III. 9. 4.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ, ХЕРЕФОНЪ, КРИТІАСЪ, ХАРМИДЪ.

Возвратившись наканунѣ вечеромъ изъ потидейскаго ла- 353.
гера, я, послѣ долговременной отлучки, весело слѣшилъ въ
обычныя мѣста собранія собесѣдниковъ¹ и, между прочимъ,
зашелъ въ Таврееву палестру, что противъ царскаго храма.
Тутъ встрѣтилось мнѣ очень много незнакомыхъ людей, а
еще больше знакомыхъ. Увидѣвъ меня, неожиданно вошед-
шаго, они тотчасъ, кто откуда, раскланивались со мною В.
издали; а Херефонъ, какъ человѣкъ пылкій², выскочивъ
изъ толпы, подбѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ меня за руку,
сказалъ: ахъ, Сократъ! какъ это спасся ты въ сраженіи?
Вѣдь едва мы ушли, при Потидеѣ произошла битва, — и
находящіеся здѣсь только сейчасъ узнали о ней. — Какъ
видишь, отвѣчалъ я.—Здѣсь, продолжалъ онъ, объявляютъ,
что сраженіе было жаркое и что въ немъ пало много зна- С.

¹ *Во обычныхъ мѣста собранія собесѣдниковъ, ἐπὶ τὰς ζυνήσεις διατριβάς.* Διατριβή означаетъ и мѣсто, въ которое люди сходятся для препровожденія времени, и самый образъ проводить его, особенно разговоръ (Gorg. p. 484. E. Apol. Socr. p. 178. 41. A.). Къ мѣстамъ этого рода въ Афинахъ относились, между прочимъ, гимназіи и палестры, или такія заведенія, въ которыя юноши стекались для упражненія тѣлесныхъ силъ, а пожилые для развлеченія и бесѣдъ. Одна изъ такихъ палестръ называлась Тавреевою, по имени ея основателя Interprett. ad Lucian. de parasit. § 43), и находилась близъ храма Διὸς Σωτήρος, или Ἐλευθερίῳ, при которомъ, по словамъ Меурсія (Lectt. Att. VI. 17), устроенъ былъ царскій портикъ, βασιλική στοά. См. Euthyphr. p. 2. A.

² *Какъ человекъ пылкій, ἄτρε καὶ μακρός ὄν.* Значеніе слова μακρός и характеръ Херефона ясно опредѣляются въ апологіи Сократа p. 21. A. ἴσται δὲ οἷος ἦν Χαίρεφῶν, ὡς σφοδρὸς ἐφ' ὃ τι ὀρμήσειε, то-есть живой, быстрый, пылкій.

комыхъ.—И справедливо объявляютъ, отвѣчалъ я.—Такъ ты участвовалъ въ битвѣ¹? спросилъ онъ.—Участвовалъ.—А! сюда же! садись и рассказывай намъ; потому что мы еще не все ясно знаемъ.—Тутъ онъ привелъ меня къ Критіасу, сыну Каллесхрову, и посадилъ. Сѣвши подлѣ Критіаса, я привѣтствовалъ какъ его, такъ и другихъ, и началъ рассказывать имъ о событіяхъ въ лагерь, отвѣчая на вопросы каждаго; а спрашивалъ кто что.

Когда же любопытство ихъ было удовлетворено; тогда и я съ своей стороны спросилъ о новостяхъ въ городѣ, о философїи, въ какомъ она теперь состояніи, и о юношахъ, кто изъ нихъ отличается мудростію, красотою, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. При этомъ вопросѣ Критіасъ, взглянувъ
154. на дверь и замѣтивъ какихъ-то юношей, входившихъ въ палестру и ссорившихся между собою, а по слѣдамъ ихъ другую толпу, сказалъ: что касается до красавцевъ, Сократъ, то ты, кажется, сейчасъ увидишь ихъ. Вотъ эти вошедшіе—передовые и угодники того, который почитается красивѣйшимъ. Вѣроятно и самъ онъ скоро войдетъ.—Да кто же и чей онъ? спросилъ я.—Ты безъ сомнѣнія зналъ его; только до твоего отъѣзда онъ не былъ еще на возрастѣ²: это—В. двоюродный братъ мой, Хармидъ, сынъ нашего дяди, Главкона.—А! дѣйствительно зналъ. Онъ былъ не дурень и тогда—въ дѣтствѣ, а теперь — въ отрочествѣ, думаю, сталъ еще

¹ Такъ ты участвовалъ въ битвѣ, *παρευέην μὲν, — τῇ μάχῃ!* Частицу *μὲν* Стефанъ напрасно замѣняетъ другою *μὲν*: *μὲν* часто употребляется и въ рѣчи вопросительной. (*Heindorf. ad Theæt. § 49. Elmsleius ad Eurip. Med. v. 1098*); только вопросъ въ такомъ случаѣ не предполагаетъ отвѣта либо положительнаго либо отрицательнаго, но предшествуетъ непременно положительному. Напр. *ὑγιαίνει μὲν*; не значить: *здоровъ ли ты, или нѣтъ?* но — *ты конечно здоровъ?* Въ такомъ же смыслѣ употребляется при вопросахъ частица *πε*, съ тѣмъ только различіемъ, что увѣренность лица вопрошающаго въ положительномъ отвѣтѣ, частицею *πε* нѣсколько ограничивается; напр. *ὑγιαίνει πε*, ты вѣроятно здоровъ?

² До твоего отъѣзда онъ не былъ еще на возрастѣ. Потидея отложила отъ Аѳинской республики за 432 года, а здалась за 429 лѣтъ до Р. Х., и находилась въ осадѣ болѣе двухъ лѣтъ. *Thucyd. 11, 70*. Въ продолженіе этого времени Хармидъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста.

лучше.—Вотъ увидишь и возрастъ его и качества, сказалъ онъ. Лишь только Критіасъ произнесъ это, какъ вошелъ и Хармидъ.

Мною, другъ мой, ничего не значишь: въ отношеніи къ красавцамъ, я просто бѣлый шнуръ ¹; мнѣ почти всѣ въ этомъ возрастѣ кажутся прекрасными. Потому—то я толь- С. ко удивился росту и дородству Хармида; а другіе, по видимому, любили его, такъ какъ появленіемъ его были поражены и смѣшались; большая же часть угодниковъ шли за нимъ. Впрочемъ въ насъ—мужчинахъ удивленіе было еще не такъ удивительно: я обратилъ вниманіе на дѣтей и замѣтилъ, что и изъ нихъ никто, даже самый меньшій, не глядѣлъ ни на какой другой предметъ, но всѣ смотрѣли на Хармида, будто на статую.

Ну что, Сократъ, какъ тебѣ кажется молодецъ? спросилъ D. меня Херефонъ; не правда ли хорошъ лицомъ?—Чрезвычайно, отвѣчалъ я.—А если бы онъ захотѣлъ раздѣться ²; то ты забылъ бы и о его лицѣ: такъ онъ статень!—Это мнѣніе Херефона подтвердили и другіе. — О Ираклъ! воскликнулъ я, да такой человѣкъ, судя по вашимъ словамъ, непреодолимъ, если обладаетъ еще одною бездѣлицею.—Какою? спросилъ Критіасъ. — Если онъ благороденъ по душѣ, сказалъ я. Вѣдь кто—изъ вашего дома, Критіасъ; тому, можетъ быть, E. и прилично быть такимъ.—О, въ этомъ отношеніи онъ тоже весьма хорошъ и добръ, былъ отвѣтъ.—А что, не раздѣть

¹ *Въ отношеніи къ красавцамъ, я просто бѣлый шнуръ, ἀτεχνῶς γὰρ λευκὴ στάθμη εἰμὶ πρὸς τοὺς καλοὺς.* Сократъ уподобляетъ себя шнуру отъ вѣса, употребляемаго плотниками. Когда шнуръ бѣлъ, не натертъ никакимъ цвѣтнымъ веществомъ, — напрасно стали бы отбивать имъ чергу на бѣломъ камнѣ; она не будетъ замѣтна. По свидѣтельству Схولیаста, выраженіе ἐν λευκῷ λευκὴ στάθμη было пословицею, которая употреблялась тогда, когда кто-нибудь одно неизвѣстное хотѣлъ опредѣлить другимъ неизвѣстнымъ. Сравни. *Eustath. ad Πiad. p. 1022 sq. ed. Rom.*

² *А если бы онъ захотѣлъ раздѣться.* Надобно замѣтить, что разговоръ идетъ въ палестрѣ, гдѣ юноши, для гимнастическихъ упражненій, снимали съ себя одежду. Къ этому же обстоятельству принаровлены и слѣдующія слова Сократа: *такой человѣкъ, по вашимъ словамъ, непреодолимъ, ἄμαχος*, то-есть, такого человѣка никто въ палестрѣ преодолѣть не можетъ.

ли намъ ее ¹, сказалъ я, и не посмотрѣть ли на нее прежде, чѣмъ на статность? Вѣдь находясь въ такомъ возрастѣ, Хармидъ, можетъ быть, охотно уже разговариваетъ.— И очень, 155. отвѣчалъ Критіасъ; къ томужъ онъ и философъ, да еще, какъ инымъ и ему самому кажется, весьма поэтической ².— Вотъ эта-то красота, любезный Критіасъ, сказалъ я, перешла къ вамъ издалека, отъ родства съ Солономъ. Такъ потрудись же позвать и покажи юношу; вѣдь ему, хотя бы онъ былъ и моложе, не стыдно бесѣдовать съ нами при тебѣ, его надзирателѣ и двоюродномъ братѣ.— Ты хорошо говоришь; позовемъ.— Мальчижъ! крикнулъ онъ слугѣ: позови сюда Хармида, и скажи ему, что я хочу представить его врачу, по случаю болѣзни, на которую онъ недавно жаловался.— Потомъ обратившись ко мнѣ, примолвилъ: Хармидъ, недавно вставши съ постели, въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ тяжесть въ головѣ, и тебѣ ничто не мѣшаетъ показать видъ, будто ты знаешь лѣкарство для головы. — Конечно ничто не мѣшаетъ, только приди онъ.— Придетъ, сказалъ Критіасъ.— Такъ и вышло. Онъ пришелъ и возбудилъ сильный смѣхъ; потому что каждый изъ насъ, которые тутъ сидѣли, усердно тѣснилъ своего сосѣда, съ намѣреніемъ очистить возлѣ себя мѣсто, пока съ концевъ скамьи одинъ не всталъ, а другой не свалился на полъ. Пришедшій сѣлъ между мною и Критіасомъ. Вотъ тутъ-то, другъ мой, и я

¹ *Не раздѣть ли намъ ее? τί οὖν — οὐκ ἀπεδύσαμεν αὐτὸ τοῦτο;* то-есть τὴν ψυχὴν. Такое словосочинение у Платона очень обыкновенно. Прилагательное или мѣстоименіе часто составляетъ онъ отрицательно, въ среднемъ родѣ, не согласуя его съ подразумеваемымъ существительнымъ. См. Prot. p. 360 E. τί ποτ' ἔστιν αὐτό, ἢ ἀρετή; и во многихъ мѣстахъ.

² *Къ томужъ онъ философъ, да еще и очень поэтической, φιλόσοφος—πάνου ποιητικός.* Подъ именемъ философа поэтическаго Платонъ, кажется, разумѣлъ такого умствователя, который философскія свои понятія обыкновенно облачаетъ въ поэтическія формы, или котораго умъ, не вдаваясь въ глубокія изслѣдованія и утомительный анализъ истинъ, ограничивается однимъ схематизмомъ ихъ и даетъ волю воображенію. Тонъ и направленіе рѣчи ясно показываютъ, что Критіасъ самъ не замѣчая, смѣется надъ Хармидомъ, или вообще надъ молодыми людьми, у которыхъ въ головѣ философія, по греческой пословицѣ, какъ гончарня въ бочкѣ. Они какъ будто умствуютъ очень серьезно; а на дѣлѣ выходятъ чистыя мечты.

уже смѣшался; куда дѣвалась прежняя смѣлость, представлявшая мнѣ бесѣду съ нимъ весьма легкою! А когда Критіасъ сказалъ, что я именно тотъ, который знаетъ лѣкарство, и когда Хармидъ какъ-то неизъяснимо посмотрѣлъ на меня и будто хотѣлъ что-то спросить, цѣлая же палестра волновалась около насъ большимъ кругомъ; тогда-то уже, почтеннѣйшій, я увидѣлъ его безъ платья, сторѣлъ, вышелъ изъ себя ¹, и къ числу мудрѣйшихъ въ любви отнесъ Кидіаса ², который о прекрасномъ мальчикѣ сказалъ: *смотри, чтобъ олень, погнавшись на встрѣчу льву, не сдѣлался его добычею*. Казалось, будто и меня увлекало это животное. На вопросъ Хармида, точно ли мнѣ извѣстно лѣ- E. карство для головы, я едва могъ отвѣчать, что извѣстно.— Какое же это? спросилъ онъ. — Это одинъ листъ, сказалъ я: но къ моему лѣкарству надобно еще присоединить приговоръ; и кто употребляетъ его съ приговоромъ, для того оно дѣйствительно, а безъ приговора не приноситъ никакой 156. пользы.—Такъ я спишу у тебя этотъ приговоръ, сказалъ онъ.—Потому ли, что попросишь меня, или и не прося?—Потому, что попрошу, Сократъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь.— Пусть такъ; но ты уже знаешь и мое имя?—Иначе я обидѣлъ бы тебя: между моими сверстниками бываетъ о тебѣ не мало разговоровъ; притомъ я еще съ дѣтства помню твое знакомство съ Критіасомъ.—Хорошо же дѣлаешь ты, сказалъ я: за то тѣмъ смѣлѣе буду говорить, въ чемъ состоитъ мой приговоръ; только затрудняюсь, какимъ бы образомъ объяснить его силу. Видишь, онъ—таковъ, Хармидъ что не исцѣляетъ одной головы, но дѣйствуетъ, подобно хорошимъ врачамъ, которые, какъ и ты, можетъ быть, слыхалъ, когда приходитъ къ нимъ кто-нибудь, страдающій глазами, говорятъ ему, что они не могутъ пользоваться одни

¹ *Вышелъ изъ себя*, οὐκ ἐστ' ἐν ἐμαυτοῦ ἦν, то-есть οἴλω; nondum mentis compositus fui, или, какъ говорятъ Германцы: ich war ganz aus dem Häuschen.

² Кидіасъ былъ поэтъ; но его стихотворенія не дошли до насъ. Кромѣ настоящихъ словъ, приписываемыхъ ему Платономъ, Плутархъ (de facie in orbe lunæ p. 931.) упоминаетъ о его сочиненіи по случаю солнечнаго затмѣнія.

глаза, что для приведенія ихъ въ здоровое состояніе, должно лѣчить и голову; а лѣчить голову—опять одну, саму по себѣ, безъ всего тѣла, было бы крайне неблагоприятно. По этой причинѣ, они предписываютъ діету цѣлому тѣлу и въ цѣломъ стараются уурачевать часть его. Или ты, можешь быть, не знаешь, что такъ говорятъ и такъ бываетъ?— Нѣтъ, знаю.—А одобряешь ли это сужденіе и принимаешь ли его? — Всего болѣе, отвѣчалъ онъ.

Д. Слыша, что онъ хвалитъ меня, я сдѣлался бодрѣе, мало по малу возвратилъ прежнюю свою смѣлость и воодушевившись, сказалъ: Такъ вотъ въ чемъ состоитъ мой приговоръ, Хармидъ. Я узналъ его въ лагерѣ отъ Фракіяца,— одного изъ врачей Замолксисовыхъ ¹, которые будто бы дѣлаютъ людей безсмертными. Этотъ Фракіецъ говорилъ, что греческіе врачи хотя и правы въ томъ, о чемъ я сейчасъ сказалъ: но Замолксисъ, царь и богъ нашъ, прибавлялъ онъ, возвѣщаетъ, что какъ глаза не должно лѣчить безъ головы, а голову безъ тѣла; такъ и тѣло не надобно лѣчить безъ души. Потому-то отъ вниманія эллинскихъ врачей и ускользаютъ многія болѣзни, что они не знаютъ цѣлаго, о которомъ надобно имѣть стараніе, и которое пока нехорошо, не можетъ быть хороша и часть. Все — и добро и зло, какъ для тѣла, такъ и вообще для человѣка, по

¹ Замолксисъ, родомъ Готъ или Скиѣтъ, по свидѣтельству Діогена Л. (in vita Pythag.), былъ ученикомъ Пиеагора, путешествовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Египетъ, изучилъ египетскіе обряды и, возвратившись въ свое отечество, пользовался такимъ уваженіемъ, что по смерти былъ обоготворенъ. Скиѣты или Фракіяцы приносили ему въ жертву людей и называли это посылствомъ къ Богу. *Hesich.* v. *Zámolxısıs*. Порѣярій и Ямблихъ говорятъ о двухъ Замолксисахъ, и существованіе одного, основываясь на свидѣтельствѣ Геродота L. IV, возводятъ выше Пиеагора, а другаго называютъ его слугою. Съ этимъ показаніемъ вѣроятно стоитъ въ связи и показаніе Гермиппа, что Пиеагоръ въ своей философіи многое заимствовалъ у Фракіянъ. *Vossius de sect. phil.* c. 3. § 1. 199. Врачи Замолксисовы, по крайней мѣрѣ по мнѣнію древнихъ Грековъ, составляли касту, подобную греческой кастѣ Асклепидовъ, и, говорятъ, могли дѣлать людей безсмертными, *ἀκθθανάτιζειν*; то-есть не только исцѣляли тѣлесныя болѣзни, но и душѣ сообщали безсмертіе, уча, что она не умираетъ, и посылая ее къ своему Замолксису, для наслѣдованія вѣчной жизни.

его словамъ, идетъ изъ души и оттуда притекаетъ, будто 157. отъ головы къ глазамъ. Итакъ, кто хочетъ привести въ хорошее состояніе головные и другіе органы, тотъ долженъ прежде и болѣе всего врачевать душу: но врачевать ее, другъ мой, надобно нѣкоторыми приговорами, продолжалъ онъ; а эти приговоры — прекрасныя рѣчи ¹. Дѣйствіемъ ихъ вселяется въ душу разсудительность: а когда она вселена въ нее и присуща ей; тогда уже легко бываетъ доставить здоровье и головѣ, и другимъ частямъ тѣла. Отъ В. кривъ мнѣ такое лѣкарство и приговоры, онъ сказалъ: смотри же, да не убѣдитъ тебя никто врачевать этимъ голову, пока не рѣшится сперва лѣчить твоими приговорами свою душу; потому что нынѣшнее заблужденіе людей въ томъ и состоитъ, что нѣкоторые хотятъ быть врачами, не употребляя одного изъ этихъ средствъ. Тутъ онъ очень строго наказалъ мнѣ не слушать ни богатаго, ни благороднаго, ни красиваго, и ни кого, кто сталъ бы убѣждать меня дѣлать иначе. Вотъ я и буду вѣренъ его приказанію, С. да и поглялся,—нельзя не быть вѣрнымъ. Пожалуй, предпишу лѣкарство и для твоей головы, если, по наставленію иностранца, согласишься сперва подчинить свою душу дѣйствію еракійскихъ приговоровъ: а когда не согласишься,—я уже и не знаю, что съ тобою дѣлать, любезный Хармидъ.

Выслушавъ мои слова, Критіасъ сказалъ: значить, головная боль была бы для нашего юноши Эрміевымъ ² сокровищемъ, если бы, благодаря головѣ, онъ принужденъ былъ сдѣ- D. латься лучшимъ по уму. Впрочемъ увѣряю тебя, что Хармидъ превосходитъ своихъ сверстниковъ не только видомъ, но и тѣмъ самымъ, касательно чего у тебя есть приговоръ. Вѣдь ты, кажется, назвалъ это разсудительностію: не правда ли?—Точно такъ, сказалъ я.—Знай же, что онъ гораздо раз-

¹ Подобнымъ образомъ *Eurip. Hippolyt.* v. 480: εἶσιν δ' ἐπὶ φθαί και λόγος θελητήριος. φανήσεται τι τῆςδε φάρμακον λόγος. На эти слова мѣтить, кажется, и Гораций, *Epist.* 1. 1, 34: sunt verba et voces, quibus hunc lenire dolorem dōssis, et magnam morbi deponere partem.

² С. О значеніи слова *ἐρμιον* см. примѣч. къ Эвтидему, р. 273 Е.

- судительнѣе нынѣшнихъ юношей, да и по всему другому, что сообразно съ его возрастомъ, никого нехуже. — Тебѣ и прилично, Хармидъ, сказалъ я, въ этихъ отношеніяхъ быть превос-
 Б. ходнѣе прочихъ. Я не думаю, чтобы ктонибудь здѣсь легко указалъ на такіе два аѳинскіе дома, которые, соединившись, раждали бы дѣтей, повидимому, прекраснѣе и лучше, чѣмъ дома, давшіе тебѣ бытіе. Домъ вашего предка по отцовскому колѣну, Критіаса, сына Дропидова, прославленный, какъ извѣстно, и Анакреономъ и Солономъ, и многими другими поэтами, отличается красотой, добродѣтелью и такъ называется
 158. мымъ благоденствіемъ. То же должно сказать и о домѣ вашей матери: на материкѣ ¹, говорятъ, не было человѣка прекраснѣе и виднѣе твоего дяди Перилампа, когда онъ находился тамъ въ качествѣ посла—то при дворѣ великаго царя, то при какомъ-нибудь иномъ. Взятый же въ цѣломъ, вашъ домъ ни въ чемъ не уступаетъ другимъ. Имѣя такое-то происхожденіе, тебѣ естественно быть по всему первымъ. И дѣйствительно, что
 В. касается до наружности, любезный сынъ Главкона; то ты, кажется, не стыдишь ни кого изъ своихъ предковъ: а если еще и по всему другому не менѣе хорошъ; то мать твоя, любезный Хармидъ, родила тебя счастливымъ. Теперь дѣло таково: если ты уже разсудителенъ, какъ говоритъ Критіасъ, и достаточно благоразуменъ; то не имѣешь надобности въ приго-
 С. ворахъ ни Замолксиса, ни Авариса и перборейца ², —лѣкарство для головы должно даваться тебѣ само собою. Но когда ты какъ будто еще чувствуешь въ немъ нужду; тогда прежде лѣкарства требуются приговоры. И такъ скажи мнѣ самъ: подтверждаешь

¹ Ἐν τῇ ἠπειρῳ. Подъ именемъ твердой земли Греки разумѣли Персію и вообще всю Азію. Xenoph. Hellen. I, 2, 11. III, 1, 3. Isocr. Panegyг. § 133 ed. Brem.

² Аварисъ—лицо миеологическое. Родомъ онъ былъ Скиѣ и, говорятъ, описалъ путешествіе Аполлона къ иперборейцамъ, за что получилъ отъ него золотую стрѣлу, на которой леталъ во всѣ страны свѣта съ чрезвычайною быстротою и чрезъ которую вездѣ предсказывалъ будущее. По этой причинѣ онъ получилъ названіе αἰθροβάτης, воздухолетателя. Ямблихъ почитаетъ его ученикомъ Пиеагора, къ которому онъ будто бы прилеталъ на своей стрѣлѣ. См. Woss. de poët. gr. p. 16. 17.

ли прежде? думаешь ли что тебя достаточно рассудительности, или чувствуешь въ ней нужду? — Хармидъ сперва покраснѣлъ и сталъ еще лучше, такъ какъ стыдливость идетъ къ его возрасту; потомъ не безъ благородства отвѣчалъ, что въ настоящее время не легко ему сказать на вопросъ ни да ни нѣтъ. Если я не признаю себя рассудительнымъ, говорилъ онъ; то, подавая мнѣніе, неблагоприятное самому себѣ, покажусь страннымъ и оболгу¹ какъ Критіаса, такъ и многихъ другихъ, которые, согласно съ его отзывомъ, почитаютъ меня рассудительнымъ; а когда признаю и начну хвалиться, — можетъ быть, покажется досаднымъ. Поэтому не нахожу, что отвѣчать тебѣ. — На это я сказалъ, что Хармидъ, повидимому, говоритъ дѣло: кажется, надобно разсмотрѣть сообщая, другъ мой, приобрѣлъ ли ты, или не приобрѣлъ то, о чемъ спрашивается, чтобы и тебя не неволить говорить, чего не хочешь, и мнѣ не прибѣгать къ лѣкарству неосмотрительно. Итакъ, если тебѣ пріятно, я готовъ изслѣдовать это вмѣстѣ съ тобою; а когда нѣтъ, — оставимъ. — Мнѣ всего пріятнѣе, отвѣчалъ онъ; это-то, какъ самъ лучше думаешь изслѣдовать, такъ изслѣдывай. — Приличнѣйшій образъ изслѣдованія такого предмета, сказалъ я, будетъ слѣдующій. Явно, что если есть у тебя рассудительность, то есть и нѣкоторое понятіе о ней; потому что, находясь въ комъ нибудь, она необходимо внушаетъ извѣстное чувство; а изъ чувства развивается у тебя и понятіе, — что такое рассудительность и какова она. Или ты не думаешь? — Думаю, отвѣчалъ онъ. — Поэтому тебѣ, умѣя говорить по-гречески, хоть бы и выразить то самое, что думаешь, то-есть, что она такое? — Можетъ быть. — Такъ вотъ же мы и узнаемъ, есть ли у тебя рассудительность, или нѣтъ: скажи только, что она такое, по твоему мнѣнію? — Хармидъ сперва медлил и не очень хотѣлъ отвѣчать, но потомъ сказалъ, что рассудительность, кажется, есть благопристойная и тихая дѣятельность

¹ И оболу, ψευδῆ ἐπιδείξω, надобно читать ἀποδείξω; подобное употребленіе этого глагола весьма обыкновенно. См. *Symp.* p. 179. С. *Gorg.* p. 516. С. *Theaet.* p. 164. D. 166. A. et al. См. *Stalbaum* ad Phædr. p. 278. С.

въ ходьбѣ по дорогамъ, въ разговорѣ и во всемъ другомъ. Мнѣ кажется, прибавилъ онъ, ты спрашиваешь вообще о нѣкоторой тихости.

Можетъ быть, ты и хорошо говоришь ¹, сказалъ я; разсудительныхъ, Хармидъ, въ самомъ дѣлѣ называютъ тихими: однакъ посмотримъ, дѣльно ли называютъ. Скажи мнѣ: разсудительность—не изъ хорошихъ ли дѣлъ? — Конечно изъ хорошихъ, отвѣчалъ онъ. — Но въ школѣ грамматиста весьма хорошо списывать буквы скоро, или тихо?—Скоро.—А читать скоро, или медленно? — Скоро. — Равно играть на цитрѣ и бороться—гораздо лучше быстро, чѣмъ тихо и медленно? — Да.—Ну, а состязаться на кулакахъ и подвизаться во всѣхъ родахъ гимнастики—не такимъ же ли образомъ?—Конечно. — И бѣгать, и прыгать, и дѣлать всѣ тѣлесныя движенія не почитается ли свойствомъ хорошимъ, когда это совершается быстро и скоро, а постыднымъ, когда—медленно, неповоротливо, тихо ²?—Кажется.—Стало быть, намъ кажется, сказалъ я, что, и въ отношеніи къ тѣлу, дѣло самое хорошее—не тихость, а скорость и быстрота. Не такъ ли?—Конечно.—Но вѣдь разсудительность есть нѣчто хорошее.—Да.—Если же хорошее, то, въ отношеніи къ тѣлу, должна быть разсудительнѣе не тихость, а скорость. — Выходить, отвѣчалъ онъ.—А что? спросилъ я: въ ученіи—лучше ли острота, или тупость?—Острота.—А не правда ли, что въ ученіи быть острымъ, значить, учиться скоро, а быть тупымъ,—учиться тихо и медленно?—Да.—И учить другаго не лучше ли скоро и сильно, чѣмъ тихо и медленно? — Да.—Что еще? припоминать и удерживать въ памя-

¹ *Можетъ быть, ты и хорошо говоришь, ἄρ οὖν — εὖ λέγεις*; Штальбомъ здѣсь пишетъ знакъ вопрошенія: но логическая связь понятій не позволяетъ принять его; а потому, кажется, надобно читать ἄρ οὖν... Впрочемъ, см. *Hermann. ad Sophocl. Antig. v. 628.*

² *Когда медленно, не поворотливо и тихо, τὰ δὲ βραδέως μόγεις τε καὶ ἥσυχῃ.* Этотъ текстъ очевидно поврежденъ; такъ что или *βραδέως*, или *μόγεις* какъ будто лишнее. По сему Гейндорфъ совѣтуетъ выпустить *βραδέως*, Штальбомъ—*μόγεις*. Но мнѣ кажется, то и другое слово можетъ здѣсь имѣть значеніе, надобно только читать текстъ слѣдующимъ образомъ: *τὰ δὲ βραδέως τε καὶ μόγεις καὶ ἥσυχῃ...*

ти лучше ли тихо и медленно, или скоро и сильно? — Сильно и скоро, сказалъ онъ. — Вѣдь остроуміе, безъ сомнѣнія, есть нѣкоторая быстрота, а не тихость души? — Правда. — Слѣдовательно весьма хорошо замѣчать наставленія грамматиста, цитриста и всякаго другаго, какъ можно скорѣе, а не какъ можно тише. — Да. — Поэтому и въ душевной дѣятельности, и въ совѣщаніи достоинъ похвалы, думаю, не тотъ, кто совѣтуетъ и избрѣгаетъ тихо, съ трудомъ, а тотъ, кто дѣлаетъ это легко и скоро. — В. Точно такъ, сказалъ онъ. — Значитъ, все, совершаемое скоро и быстро, какъ въ отношеніи къ душѣ, такъ и въ отношеніи къ тѣлу, кажется намъ, Хармидъ, гораздо лучше, чѣмъ то, что совершается медленно и тихо? — Должно быть, отвѣчалъ онъ. — А изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что разсудительность нельзя назвать какою-то тихостію, и жизнь разсудительную — жизнь тихую, какъ скоро, будучи разсудительною, она дол- С. жна быть хороша. Тутъ — одно изъ двухъ: тихія дѣла или никогда, или весьма рѣдко въ жизни выходятъ лучше скорыхъ и сильныхъ. Да если бы, другъ мой, тихихъ, достойныхъ похвалы, открылось и не менѣе, чѣмъ сильныхъ и скорыхъ: и тогда неразсудительно было бы дѣятельность болѣе тихую предпочитать дѣятельности скорой и сильной, въ ходѣ ли D. то, въ разговорѣ, или въ чемъ другомъ¹; и тогда тихую жизнь не слѣдовало бы представлять себѣ разсудительнѣе нетихой; потому что разсудительность мы причислили къ дѣламъ хорошимъ, а скорое было бы не менѣе хорошо, какъ и тихое. — Твои слова, Сократъ, кажется, справедливы, сказалъ онъ.

Итакъ, размысли опять, Хармидъ, всмотрись въ самаго E. себя, подумай, какимъ дѣлаетъ тебя твоя разсудительность, и какова она, если такимъ тебя дѣлаетъ. Соединивъ въ умѣ

¹ *Въ ходѣ ли то, въ разговорѣ, или въ чемъ другомъ; и тогда тихую жизнь...* Это мѣсто я перевожу по тексту Штальбома: *οὔτε ἐν βραδίῳ οὔτε ἐν λέξει οὔτε ἄλλοθι οὐδαμῶς, οὔτε ὁ ἡσύχιος βίος...* Чтеніе у Гейндорфа, Шлейермахера и Беккера... *οὔτε ἄλλοθι οὐδαμῶς οὔτε ὁ ἡσύχιος βίος*, очевидно не вѣрно; потому что *ἄλλοθι οὐδαμῶς* не можетъ быть оторвано отъ предъидущихъ словъ: *οὔτε ἐν βραδίῳ οὔτε ἐν λέξει*; а слѣдующее *οὔτε* явно есть *οὔτε* и соотвѣтствуетъ вышему *οὐδὲ ταύτη σφωροσύνη ἂν εἴη...*

все это, скажи прямо и смѣло, чѣмъ она тебѣ кажется.— Тутъ Хармидъ пріостановился и, мужественно вошедши въ себя, сказалъ: разсудительность, повидимому, заставляетъ стыдиться, дѣлаетъ человѣка стыдливымъ и есть то же, что стыдъ.— Пусть такъ, примолвилъ я; но недавно не призналъ ли ты ее чѣмъ-то хорошимъ?— Конечно, отвѣчалъ онъ.— Слѣдовательно люди разсудительные суть также и добрые?— Да. — А можетъ ли быть добромъ то, что дѣлаетъ недоб-
 161. рымъ?— Отнюдь нѣтъ.— Стало бытъ разсудительность есть дѣло не только хорошее, но и доброе. — Кажется. — Что же? спросилъ я; значить, ты не вѣришь, что Омиръ говоритъ хорошо: *стыдъ не добро въ человѣкѣ нуждающемуся*?— Нѣтъ, вѣрю, отвѣчалъ онъ.— Такъ, видно, стыдъ—добро и не добро? — Видно, такъ. — Но разсудительность вѣдь добро, если
 В. она тѣхъ людей, которымъ присуща, дѣлаетъ добрыми, а не худыми.— Да и мнѣ такъ-то кажется, какъ ты говоришь.— Если же разсудительность—добро, а стыдъ—не болѣе добро, какъ и зло; то первую нельзя назвать послѣднимъ.— Все это, повидимому, справедливо, Сократъ; но разсмотри еще слѣдующее понятие о разсудительности: какъ оно тебѣ кажется?

Я сей-часъ вспомнилъ чьи-то слова, что бытъ разсудительнымъ, значить, дѣлать свое. Разсмотри-ка, правильно ли
 С. сказалъ это тотъ, кто сказалъ. — О лукавецъ! воскликнулъ я; ты вѣрно слышалъ отъ Критіаса, или отъ какого-нибудь другаго мудреца! — Развѣ отъ другаго, примолвилъ Критіасъ, а ужъ никакъ не отъ меня.— Да какая нужда, Сократъ, сказалъ Хармидъ, отъ кого бы я ни слышалъ.— Разумѣется, никакой; вѣдь не то, безъ сомнѣнія, надобно изслѣдовать, кто говорилъ, а то, справедливо, или нѣтъ, изреченіе.— Вотъ теперь твоя правда, сказалъ онъ. — Да, клянусь Зевсомъ. Однакожь было бы удивительно, если бы мы открыли настоящій смыслъ этого мнѣнія; видишь, оно походитъ на загадку.— Почему же такъ? спросилъ онъ. — Потому, отвѣ-
 D. чалъ я, что, произнося выраженіе: «разсудительность есть

¹ См. Plat. Lach. p. 201. В.

дѣланіе своего», то ли мыслилъ онъ, что означаютъ произнесенныя имъ слова? Думаешь ли, что грамматистъ ничего не дѣлаеть, когда пишетъ, или читаетъ?—Думаю, дѣлаеть, отвѣчалъ онъ.—А кажется ли тебѣ, что онъ пишетъ и читаетъ только свое имя и васъ дѣтей учить тому же ¹? Или вы не менѣ писали имена враговъ, сколько и имена друзей и свои собственные?—Конечно не менѣ. — Но, дѣлая это, вы хва- Е. тались за многое и не были разсудительны? — Никакъ. — И однакожь дѣлали не свое-вѣдь, если только писать и читать, значить, что-нибудь дѣлать. — Безъ сомнѣнія. — Равнымъ образомъ, другъ мой, врачевать, строить, ткать, вообще—производить извѣстную вещь въ какомъ бы то ни было родѣ искусствъ, называется, вѣроятно, что-нибудь дѣлать.— Конечно.—Но что? хорошо ли, по твоему мнѣнію, управлялъ бы городомъ тотъ законъ, который предписывалъ бы каждому ткать и мыть для себя платье, шить себѣ башмаки, готовить масляные сосуды, головныя повязки, и другое тому подобное,—вообще чужаго не касаться, а дѣ- 162. лать всякому свое? — Не думаю, отвѣчалъ онъ. — Однакожь городъ, живя разсудительно-то, примолвилъ я, жилъ бы очень хорошо. — Какъ же иначе? сказалъ онъ. — Стало быть, подобное дѣланіе своего не можетъ быть названо разсудительностію.—Явно.—То-то и есть; я и прежде сказалъ, что слова «разсудительность есть дѣланіе своего» загадочны. Произнесшій ихъ видно былъ не такъ-то простъ. Или ты, Хармидъ, слышалъ ихъ отъ какого-нибудь простака?— Всего менѣ, былъ его отвѣтъ; онъ казался мнѣ даже очень в.

¹ И васъ дѣтей учить тому же, ἢ ὑμῶν τοὺς παῖδας διδάσκειν. ἢ здѣсь со- всѣмъ не кстати и, кажется, должно быть замѣнено словомъ καὶ. При томъ, въ концѣ выраженія надобно подразумѣвать ὡσαύτως, то-есть τὰ ὑμέτερα δνδ- ματα μόνον γράφειν καὶ ἀναγιγνώσκειν. Далѣе: вы хвтались за многое, ἐπολυπραγ- μονεῖτε. — Πολυπραγμανεῖν, in aliena re curiosum esse, очевидно противопла- гается выраженію τὰ ἑαυτοῦ πράττειν, слѣдовательно σωφρονεῖν. Такъ Gorg. p. 526. С. φιλοσοφῶν τὰ αὐτοῦ πράξαντος καὶ μὴ πολυπραγμανοῦσαντος ἐν τῷ βίῳ. Cicero de offic. 1. 34. 125. peregrini autem atque incolæ officium est nihil præte- suum negotium agere, nihil de alieno anquirere minimeque esse in aliena re publica curiosum. Сравни. Beier. ad libr. 1. 9. 29.

мудрымъ. — Слѣдовательно тѣмъ вѣроятнѣе, что его изреченіе, какъ я думаю, загадка; потому-то и трудно понять, что значитъ «дѣлать свое.»—Вѣроятно, сказалъ онъ.—Такъ что же бы значило «дѣлать свое»? Въ состояніи ли ты объяснить?—Не умѣю, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ, можетъ быть (что мудренаго!), и тотъ не понималъ этихъ словъ, кто сказалъ ихъ.—Выговоривъ это, онъ улыбнулся и взглянулъ на Критіаса.

Между тѣмъ явно было, что Критіасъ давно уже борется съ самимъ собою и сильно желаетъ похвастаться предъ С. Хармидомъ и присутствующими. Доселѣ онъ таки кое-какъ удерживался, но тутъ уже не вытерпѣлъ. Поэтому, мнѣ кажется весьма справедливымъ мое предположеніе, что тотъ отвѣтъ о разсудительности Хармидъ слышалъ отъ Критіаса. Не рѣшаясь самъ дать отчетъ въ изреченіи ¹, онъ подстрекнулъ своего брата и указалъ на него, какъ на обличеннаго. А этотъ не выдержалъ и, по видимому, досадовалъ на Хармида, будто поэтъ на актера, когда этотъ худо декламируетъ его стихотвореніе. Посему, взглянувъ на него значительно, Критіасъ сказалъ: тебѣ такъ кажется, Хармидъ, что если самъ ты не знаешь мысли человѣка, который разсудительность поставлялъ въ дѣланіи своего, то уже и онъ не знаетъ.—Но вѣдь ему въ такой молодости и не удивительно не знать этого, любезный Критіасъ, сказалъ я. Вотъ Е. тебѣ, и по возрасту, и по твоимъ занятіямъ, знать это, разумѣется естественно. Итакъ, если ты согласенъ, что разсудительность надобно разумѣть въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ онъ опредѣлилъ ее; если ты принимаешь его слово: то я съ особеннымъ удовольствіемъ желалъ бы вмѣстѣ съ тобою изслѣдовать, вѣрно или нѣтъ это опредѣленіе. — Да, я очень согласенъ и принимаю, отвѣчалъ Критіасъ. — И хорошо дѣлаешь, примолвилъ я; скажи же мнѣ: согласенъ ли ты и

¹ Не рѣшаясь самъ дать отчетъ въ изреченіи, βελομένοσ μη αὐτὸσ ὑπέχειν λόγον, ἀλλ' ἐκεῖνον, τῆσ ἀποκρίσεωσ. Здѣсь ἀλλ' ἐκεῖνον безъ сомнѣнія глоссема и въ переводѣ должно быть выпущено.

въ томъ, о чемъ я недавно спрашивалъ, что то-есть всѣ художники производятъ нѣчто? — Согласенъ. — Но какъ тебѣ 163. кажется: свое ли только производятъ они, или и чужое? — И чужое. — По этому они разсудительны, производя не одно свое? — Что же препятствуетъ, спросилъ онъ? — Мнѣ-то ичто, сказалъ я; но смотри, не препятствуетъ ли что-нибудь тому, кто, положивъ разсудительность въ дѣланіи своего, потомъ говорить, что нѣтъ никакого препятствія быть разсудительнымъ, дѣлая и чужое. — Да, можетъ быть, я призналъ разсудительными дѣлающихъ чужое, а признавалъ ли производящихъ? — Но развѣ, по твоему мнѣнію, спросилъ я, *производить* (ποιεῖν) и *дѣлать* (πράττειν) не одно и тоже? — Конечно; равно какъ *работать* (ἐργάζεσθαι) и *производить* (ποιεῖν). Я узналъ это у Исіода, который сказалъ: *никакая работа не есть безчестіе* 1. Думаешь ли, что онъ не почелъ бы ни для кого безчестнымъ шить обувь, продавать соленую рыбу, или сидѣть въ лавочкѣ 2, еслибы слова *работать* и *дѣ-*

¹ *Никакая работа не есть безчестіе.* Этотъ стихъ у Исіода (opp. et dd. v. 309.) читается слѣдующимъ образомъ: ἐργον δ' οὐδὲν δνειδος, ἀεργία δὲ τ' δνειδος. Слово οὐδὲν въ немъ относится не къ ἐργον, а къ δνειδος: напротивъ Критіасъ, слѣдя уловкамъ софистовъ, соединяетъ его съ словомъ ἐργον, и для того, умолчавъ о второмъ полустижіи, послѣ οὐδὲν произноситъ εἶναι: ἐργον δ' οὐδὲν εἶναι δνειδος. По смыслу Исіода, надлежало бы сказать: работа—отнюдь не безчестіе; безчестна праздность. Напротивъ софистъ говорить: никакая работа не есть безчестіе.

² *Шить обувь, продавать солонину, или сидѣть въ лавочкѣ, сκυτοτομοῦντι ἢ ταριχοπωλοῦντι ἢ ἐπ' οἰκήματος καθήμενοι.* Сκυτοτομοῦν у Грековъ почталося самымъ низкимъ ремесломъ; такъ что сκυτοτόμοι, башмачники и вообще мастеровые, приготовлявшіе какія-нибудь вещи изъ кожи, вошли у нихъ въ поговорку. См. de Rep. p. 456. D. Theæt. p. 180. D. Τάριχος, солонина у Грековъ была обыкновенною пищею черни. Athen. p. 118. A. Casaub. ad Theophr. Char. 4 et 6 Rader. ad Martial. p. 116. При томъ, подъ именемъ солонины Греки разумѣли преимущественно соленую рыбу, которая приготовлялась у нихъ въ видѣ четверугольныхъ кусковъ и, по различію рыбы, получала различныя названія, наприм. τόμος θυμαλός кусокъ морскаго пса, κύβιον кусокъ гунца, или паламида. Plin. 9. c. 15. Palamides in arolectos (in frusta) et particulatim consecetas in genera Cybiorum dispartiri. Οἰκήμα, въ нарѣчій аттическомъ, означало или тюрьму, или домъ блудодѣянія, lupanar. Schol. ad h. l. ἐπ' οἰκήματος ἐπὶ τοῦ δεσμοτηρίου, ὡς λυσίας, ἢ ἐπὶ πορνείῳ, ὡς Ἀττικοί. Pollux. IX. 45. ἰστέον δὲ ὅτι οὐ μόνον δεσμοτήριον οἰκήμα παρὰ τοῖς Ἀττικοῖς ἐστὶν εἰρημένον, μηδὲ τὸ πορνείον, ἀλλὰ καὶ τὸ οἰκήσιμον. Такъ и у Римлянъ

- лать* относилъ къ такимъ вещамъ, о которыхъ ты сей-часъ говоришь? Вѣдомо не такъ Сократъ; производительность онъ С. вѣроятно различалъ отъ дѣланія работы, и произведение почиталъ иногда безчестнымъ, какъ скоро оно относилось къ предметамъ нехорошимъ, а въ работѣ не видѣлъ ничего безчестнаго, и потому, что производимо было хорошо и съ пользою, называлъ работами, трудами и дѣлами. Только такія дѣла, по его мнѣнiю, и надобно почитать своими, а всѣ вредныя чужими. И такъ, согласно съ Исiодомъ и другими благородными людьми, разсудительнымъ должно называть D. того, кто дѣлаетъ свое. — О Критiасъ! сказалъ я: почти при самомъ началѣ твоей рѣчи можно было замѣтить, что подъ именемъ *собственнаго* и *своего* ты разумѣешь *добро*, и произведенiя людей добрыхъ называешь *дѣлами*. О различенiи-то именъ я вѣдь слыхалъ отъ Продика много дивнаго. Впрочемъ уступаю тебѣ: понимай каждое изъ нихъ, какъ хочешь, только объявляй, въ какомъ смыслѣ принимаешь употребляемое тобою слово.
- Е. Теперь опредѣли сначала и пояснѣ: точно ли, по твоему мнѣнiю, разсудительность есть дѣланiе, или произведенiе (назови какъ угодно) добра? — Да, я такъ думаю, сказалъ онъ. — Слѣдовательно разсудителенъ не тотъ, кто дѣлаетъ зло, но тотъ, кто добро? — А тебѣ, любезный, развѣ иначе кажется, спросилъ онъ? — Пой, сказалъ я; рѣчь не о томъ, что кажется мнѣ, а о томъ, что говоришь ты. — Да того я не называю разсудительнымъ, кто дѣлаетъ не добро, а зло: по моему, разсудителенъ тотъ, кто дѣлаетъ не зло, а добро. Опредѣляю ясно: разсудительность есть дѣланiе добра. —
164. Можетъ быть, тебѣ въ самомъ дѣлѣ ничто не мѣшаетъ говорить правду; однакожь удивительно, если ты думаешь, что

lupanar нерѣдко тоже, что cella. Переводя *οἴκημα* словомъ «лавочка», я поставлю это слово въ связи съ lupanar и разумѣю постыдный обычай у древнихъ Грековъ — устроить торговыя мѣста для блудодѣянiя, *τέλη* или *στέλη*, иначе *κλήσια*, *οἰκίσματα* и *ἐργαστήρια*. *Chrysost.* homil. de Babyula, et in Mathæum 31. In pergulis stare solilas (meretrices), multorum artificum more, ut in officinis, ex Plauto notum.

люди разсудительные не знаютъ того, что они разсудительны.—Но я такъ не думаю. — Между тѣмъ немного прежде, продолжалъ я, тобою было сказано, что художникамъ, хотя они производятъ и чужое, ничто не препятствуетъ быть разсудительными. — Да, было сказано; такъ чтожь? — Ничего; говори : кажется ли тебѣ хоть отчасти, что врачъ, исцѣляя кого-нибудь, приноситъ пользу и себѣ, и тому, кого исцѣляетъ? — Кажется. — Но дѣлающій это, дѣлаетъ, что должно?—Да.—А дѣлающій, что должно, не разсудителенъ ли?—Конечно разсудителенъ. — Не необходимо ли также врачу знать, когда онъ лѣчитъ съ пользою и когда нѣтъ, равно какъ и всякому художнику, — когда будетъ выгода отъ его работы и когда не будетъ? — Можетъ быть, необходимо. — Стало быть, иногда, дѣйствуя съ пользою или вредомъ, врачъ не знаетъ себя, какъ онъ дѣлаетъ; хотя, дѣйствуя съ пользою, С. поступаетъ, какъ ты сказалъ, разсудительно. Или не такъ говорилъ ты?—Такъ.—Слѣдовательно иногда, дѣйствуя съ пользою, онъ, при всей своей разсудительности, не знаетъ себя, не знаетъ то-есть, что онъ разсудителенъ.—Но этого, Сократъ, быть не можетъ, сказалъ Критіасъ. Если же ты пришелъ къ такому заключенію необходимо, на основаніи чего-нибудь въ прежде допущенныхъ мною положеніяхъ; то я скорѣе пересмотрю ихъ и не постыжусь признаться, что утверждалъ несправедливо, нежели соглашусь, что человѣкъ, незнаю- D. щій самаго себя, разсудителенъ. Вѣдь моя мысль о разсудительности почти сходится съ мыслию о самопознаніи и не отличается отъ надписи, сдѣланной въ Дельфахъ. Эта надпись, мнѣ кажется, есть привѣтствіе бога къ входящимъ, употребленное тамъ вмѣсто «здравствуй» (*χαίρει*); потому что E. привѣтствіе «здравствуй» несправедливо,—не того надобно желать другъ другу, а разсудительности. Такимъ образомъ богъ совѣтуетъ входящимъ нѣчто отличное отъ совѣта человѣческаго. И эту-то мысль, по видимому, имѣлъ въ умѣ человѣкъ, посвятившій Дельфамъ свою надпись; то-есть, онъ всегда и всякому входящему говоритъ: будь разсудителенъ.

Его слова, какъ слова прорицателя, конечно загадочны: познавай самага себя и будь разсудителенъ, безъ сомнѣнія—одно и то же. Итакъ, что утверждаетъ надпись, то утверждаю и я. Уже въ послѣдствіи нѣкоторые начали оразнообразивать ея значеніе, что, какъ видно, дѣлали и позднѣйшіе посвятители надписей: *ничего слишкомъ и порука возль измѣны*¹; потому что, слова «познавай самага себя» принимая за совѣтъ, а не за привѣтствіе бога входящимъ, они и сами написали, и посветили Дельфамъ не менѣе полезные совѣты. Все это я говорю, Сократъ, вотъ для чего: въ прежнемъ уступаю тебѣ; объ этомъ иное, можетъ быть, правильно сказалъ ты, иное—я; но въ нашихъ словахъ не было надлежащей ясности. Теперь, если ты не согласенъ, что разсудительность есть знаніе самага себя,—я хочу тебѣ доказать это.

Но ты, Критіасъ, такъ относишься ко мнѣ, что будто я приписываю себѣ знаніе того, о чемъ спрашиваю, и, если захочу, могу согласиться съ тобою. Совсѣмъ не то: спрашивая тебя, я только изслѣдываю предметъ съобща, потому что самъ не знаю его, и уже по изслѣдованіи объявлю, принимаю ли его, или не принимаю. Подожди же, пока изслѣдую. — Такъ изслѣдывай, сказалъ онъ. — Конечно буду изслѣдывать, примолвилъ я. Если быть разсудительнымъ значить, дѣйствительно, познавать что-нибудь; то подъ разсудительностію должно разумѣть, очевидно, нѣкоторое чего-нибудь знаніе. Не такъ ли? — Да, и именно знаніе себя, отвѣчалъ онъ. — Такимъ образомъ врачебное искусство есть знаніе здоровья, сказалъ я. — Конечно. — Теперь, еслибы ты спросилъ меня: врачебное искусство, какъ знаніе здоровья, какую приносить намъ пользу и что дѣлаетъ?—я отвѣчалъ бы, что оно оказываетъ не маловажную услугу: хорошій плодъ его дѣятельности есть здоровье. Принимаешь ли это?—

¹ *Порука возль измѣны, ἐγγυή, παρά δ' ἕτα.* Схолиастъ объясняетъ это изрѣченіе слѣдующимъ образомъ: *παροιμία· ἐγγυή παρά δ' ἕτα, ἐπὶ τῶν ῥαδίως ἐγγυωμένων καὶ κακῶς ἀπαλλαττόντων. Λέγουσι δ' αὐτὸ ἐν Δέλφοις γεγραφεῖται. Οἱ δ' εἶπον αὐτὴν οὐχ οὕτως ἔχειν, ἀλλὰ μόνον ἐγγυή· καὶ παρέχουσι μάρτυρα τοῦτου Κρατίωνος νεώτερον, λέγοντα, κ. τ. λ.*

Принимаю.—Потомъ, если бы ты спросилъ меня: искусство строительное, какъ знаніе строить, какимъ дѣломъ занимается? я отвѣчалъ бы: строеніемъ домовъ. Тоже и касательно прочихъ искусствъ. Отвѣчай же, Критіасъ, и ты на мой вопросъ о разсудительности. По твоему мнѣнію, разсудительность есть знаніе себя: но, какъ знаніе себя, что дѣлаеть оно хорошаго и сообразнаго съ своимъ именемъ? Скажи-ка это. — Да ты, Сократъ, неправильно изслѣдыва- Е. ешь, возразилъ онъ. Разсудительность, по своей природѣ, не походитъ на прочія знанія; равно какъ и прочія знанія не сходны между собою: а ты спрашиваешь о нихъ, будто о подобныхъ. Говори мнѣ, продолжалъ онъ: работа искусства щетнаго, или геометрическаго,—такова ли, какъ домъ—строительнаго, одежда—ткацкаго, или другія подобныя работы? На послѣднія, сколько бы ихъ ни было по числу искусствъ, всякій можетъ указать; а укажешь ли на которую- 166. нибудь изъ первыхъ? вѣрно не укажешь. — Правда, отвѣчалъ я; однакожь могу указать, къ чему, отличному отъ самаго знанія, относится каждое изъ этихъ знаній. Такъ на примѣръ, щетное относится къ опредѣленію равныхъ и неравныхъ величинъ, то-есть, къ опредѣленію ихъ связи и взаимной зависимости. Не правда ли?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—А числа—неравное и равное, отличны вѣдь отъ искусства щетнаго?—Какъ же не отличны?—Такимъ же образомъ искусство взвѣшивать (*σταλιχη*) есть знаніе тяжелаго и легкаго: но тяжелое и легкое отличны отъ искусства взвѣшивать. Согласенъ ли?—Согласенъ. — Скажи же: и разсудительность конечно есть знаніе чего-нибудь, что отлично отъ самой разсудительности? — Это такъ, Сократъ; твои изслѣдованія дѣйствительно привели тебя къ тому, чѣмъ отличается разсудительность отъ всѣхъ знаній. Но ты ищешь какого-то сходства между первою и послѣдними; а въ этомъ С. отношеніи уже не такъ. Прочія искусства суть знанія не себя, но чего-нибудь другаго: одна только разсудительность есть знаніе, какъ всѣхъ знаній, такъ и самой себя. И это от-

нюдь не могло скрыться отъ тебя: нѣтъ, ты, кажется, дѣлаешь то, чего недавно дѣлать не соглашался,—ты выпустилъ изъ вида содержаніе рѣчи, лишь бы опровергнуть меня.— Какъ тебѣ думать, былъ мой отвѣтъ, что я, хотя бы и дѣйствительно опровергалъ тебя, дѣлалъ это для какой-нибудь другой причины, а не для испытанія себя и словъ своихъ,

Д. боясь, какъ бы, забывшись, не почестъ себя знатокомъ того, что мнѣ неизвѣстно! Снова утверждаю, что дѣлаю это, то-есть, изслѣдываю предметъ, преимущественно для себя, можетъ быть, также—и для друзей своихъ. Развѣ ты не думаешь, что для всѣхъ людей—одно общее благо: имѣть ясное понятіе о каждой вещи, какова она?—О, въ этомъ я совершенно увѣренъ, Сократъ, сказалъ онъ.—Будь же смѣлѣе, почтеннѣйшій; отвѣчай на вопросы, какъ тебѣ кажется, не

Е. заботясь о томъ, кто будетъ опровергнуть,—Критіасъ или Сократъ; обращай вниманіе только на самую рѣчь и смотри, къ чему придетъ опровергнутый. — Хорошо, постараюсь, сказалъ онъ; потому что ты, кажется, говоришь дѣло.—

И такъ скажи, продолжалъ я: какъ ты думаешь о разсудительности?—Я говорю, отвѣчалъ онъ, что разсудительность есть такое знаніе, которое, одно изъ всѣхъ, знаетъ и себя и другія знанія.—Не есть ли она также знаніе и незнанія, спросилъ я, если ты называешь ее знаніемъ знанія?—Конечно, сказалъ онъ.—По этому одинъ только разсудительный будетъ знать самъ себя и получить возможность испытать, что знаетъ онъ, и чего нѣтъ, и такимъ же образомъ станетъ изслѣдовать другихъ, кто чтó знаетъ и думаетъ, что знаетъ, и кто приписываетъ себѣ извѣстное знаніе, а на самомъ дѣлѣ не знаетъ; изъ прочихъ же людей—никто. То-есть, быть разсудительнымъ, или разсудительность есть самознаніе, или знаніе того, чтó знаешь, и того, чего не знаешь. Это ли говоришь ты?—Это, отвѣчалъ онъ.—Такъ изслѣдуемъ же опять сначала, въ третій и послѣдній разъ 1: — во первыхъ, возможно ли это, или нѣтъ?

¹ 167 А. *Въ третій и послѣдній разъ, τὸ τρίτον τῷ Σωκράτι. Schol. τὸ τρί-*

то-есть, что-нибудь зная, или чего-нибудь не зная, возможно ли знать, что одно знаешь, а другаго не знаешь? во вторыхъ, возможно ли особенно, чтобы это знаніе принесло намъ какую-нибудь пользу? — Да, надобно изслѣдовать, сказалъ онъ. — Изслѣдуй же Критіасъ, не способнѣ ли ты меня въ этомъ отношеніи? Я запутался и, сказать ли, какъ?— Скажи.

Не правда ли, спросилъ я, что все, о чемъ ты сей-С. часъ упоминалъ, есть одно какое-то знаніе,—знаніе не того или другаго, но себя и прочихъ знаній, даже самаго незна-нія?—Конечно.—Смотри же, другъ мой, какую странность намѣрены мы утверждать. Попытаемся приложить это самое къ различнымъ вещамъ, и ты, думаю, встрѣтишь невозможность.—Какую же и въ чемъ?—Вотъ въ чемъ: посуди пожалуй, можешь ли ты представить себѣ зрѣніе, которое не было бы зрѣніемъ вещей, доступныхъ прочимъ зрѣніямъ, но было бы только зрѣніемъ себя и другихъ зрѣній, и даже D. не зрѣній, которое не видѣло бы ни какихъ цвѣтовъ, но видѣло бы только себя и другія зрѣнія? Можешь ли представить такое?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.—А слухъ, который бы не слышалъ никакихъ звуковъ, но слышалъ бы себя и другіе слухи, даже и не слухи? — И этого не могу.—Пере-смотри всѣ вообще чувства: представляешь ли ты себѣ хоть одно изъ нихъ, которое было бы чувствомъ себя и другихъ чувствъ, а предметовъ, ощущаемыхъ прочими чувствами, E. не чувствовало бы?—Не представляю.—Равнымъ образомъ, допускаешь ли какое-нибудь желаніе сердца, которое не было бы желаніемъ удовольствія, но было бы желаніемъ себя и другихъ желаній?—Отнюдь нѣтъ.—Не допускаешь и хо-

τον τῷ Σωτῆρι ἐπὶ τῶν τελείως τε πραττόντων, τὰς γὰρ τρίτας σπονδὰς καὶ τὸν τρίτον κρατῆρα ἐκύρων τῷ Διὶ τῷ Ἑσπερίῳ. Срав. *Aesch. Eumen.* 756. τοῦ πάντα κραίνοντος τρίτου Σωτῆρος. Это выраженіе встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, *Phileb.* p. 66. *de Rep.* IX. p. 612. *Epist.* VII. p. 340. *A. legg.* p. 692. О обыкновеніи Грековъ на пирахъ посвящать третій бокалъ Зевсу Хранителю См. *Pierson.* ad *mœg.* p. 72. *Spanh.* ad *Aristoph. Plut.* v. 1176. *Müller* ad *Aeschyl. Eumen.* p. 187. sqq.

- тѣнія, которое не хотѣло бы ничего добраго, но хотѣло бы себя и другихъ хотѣній? — Безъ сомнѣнія. — А можешь ли указать на какую-нибудь любовь, которая не любила бы ничего прекраснаго, но любила бы себя и всякую другую любовь? — Не могу. — Равно, воображалъ ли ты себѣ какой-нибудь страхъ, который страшился бы себя и другихъ страховъ, а предметовъ страшныхъ не страшился бы? — Не воображалъ. — Также и мнѣнія о себѣ самомъ и о другихъ мнѣніяхъ, которое однакожь не было бы мнѣніемъ о томъ, къ чему относятся другія мнѣнія? — Никакъ. — Между тѣмъ знаніе мы, кажется, назвали такимъ, которое, не будучи знаніемъ предметовъ познаваемыхъ, есть знаніе себя и другихъ знаній. — Да, назвали. — Но не странно ли, если оно таково? Вѣдь мы не должны утверждать, что оно не таково, а объявляны изслѣдовать, таково ли оно въ самомъ дѣлѣ. — Правда. — Смотри же: это знаніе есть знаніе чего-нибудь и заключаетъ въ себѣ свойство быть знаніемъ чего-нибудь. Не такъ ли? — Конечно. — Большему мы вѣдь приписываемъ такое свойство, по которому оно есть больше чего-нибудь. — Приписываемъ. — А если будетъ большее, то будетъ и меньшее? — Необходимо. — Итакъ, если бы мы нашли нѣчто большее, что было бы больше другаго большаго и себя, но не больше того, въ отношеніи къ чему другое большее — больше; то безъ сомнѣнія вышло бы, что это нѣчто, будучи больше себя, оказалось бы также и меньше себя. Не правда ли? — Крайне необходимо, Сократъ, сказалъ онъ. — Равнымъ образомъ, если бы нѣчто было и двойное вразсужденіи другихъ двойныхъ вещей и себя; то, какъ двойное, оно составляло бы только половину себя и прочихъ предметовъ, потому что двойное возможно иначе, какъ въ отношеніи къ половинѣ. — Правда. — Но что болѣе себя, то не будетъ ли и менѣе? что тяжелѣе, то не будетъ ли и легче? что старше, то не будетъ ли и моложе, и такъ далѣе? При томъ, что имѣетъ извѣстное свойство для себя, то не будетъ ли имѣть и такой природы, къ которой относится это свойство? Разумѣю слѣ-

дующее: на примѣръ, мы называемъ слухъ—слухомъ не чего другого, а звука. Не такъ ли? — Такъ. — Поэтому, если слухъ слышитъ себя, то надобно, чтобы онъ имѣлъ собственный свой звукъ; иначе онъ и не слышалъ бы.—Весьма необходимо.—Такимъ же образомъ и зрѣніе, почтеннѣйшій: если оно видитъ себя, то должно имѣть свой цвѣтъ; потому что зрѣніе не можетъ видѣть ничего безцвѣтнаго. — Конеч- Е. но ничего.—И такъ смотри же, Критіасъ: все изслѣдованное теперь кажется намъ частію вовсе невозможнымъ, а частію весьма сомнительнымъ — въ томъ отношеніи, для себя ли что-нибудь одарено свойствами. Что касается до величинъ, чиселъ и тому подобнаго,—это рѣшительно не возможно ¹. Не правда ли? — Безъ сомнѣнія. — А слухъ и зрѣніе, также движеніе, которое будто бы само себя движетъ, теплота, которая, говорятъ, сама себя согрѣваетъ, и прочее того же рода, для однихъ кажется сомнительнымъ, а для другихъ, можетъ быть, и нѣтъ. Надобно быть, другъ мой, ¹⁶⁹. великимъ человѣкомъ, чтобы удовлетворительно разобрать это со всѣхъ сторонъ, то-есть, дѣйствительно ли нѣтъ ни одной вещи, кромѣ знанія ², которая бы заключала въ себѣ свойства не для себя самой, а для другихъ вещей, или напротивъ имѣютъ ихъ однѣ — для себя, а другія — для другихъ. И если есть предметы, одаренные свойствами для

¹ То-есть, невозможно, чтобы онѣ одарены были свойствами для себя. Сократъ во всей этой перикопѣ доказываетъ относительность вещей. Малое — мало по отношенію къ короткому; здоровое — здорово по отношенію къ больному и т. д. Но такая относительность непременно требуетъ, чтобы вещи дѣйствовали на что-нибудь, отъ себя отличное, то-есть, чтобы каждая вещь была предметомъ не для себя самой, а для другой вещи.

² *Дѣйствительно ли нѣтъ ни одной вещи, кромѣ знанія* — *πλὴν ἐπιστήμης*. Это *πλὴν ἐπιστήμης* Шлейермахеръ и Беккеръ признаютъ за глоссему: но ученые филологи не довольно хорошо вникли въ намѣреніе Сократа, высказываемое въ приведенныхъ словахъ. Критіасъ полагалъ, что разсудительность есть знаніе себя и другихъ знаній, а къ предметамъ познаваемымъ она отношенія не имѣетъ, и этимъ признакомъ отличалъ онъ разсудительность отъ прочихъ вещей. Но Сократъ говоритъ, что и другія вещи могутъ также имѣть нѣсколько свойствъ для себя, подобно тому, какъ знаніе есть знаніе для знанія.

- себя; то не слѣдуетъ ли и имъ приписать знаніе, называемое разсудительностію? Я не нахожу себя способнымъ для такого различенія, и потому не утверждаю ни того, возможно ли знаніе знанія, ни того еще болѣе, согласиться ли мнѣ на
- В. твое понятіе о разсудительности, пока не будетъ изслѣдовано, полезна ли она, или нѣтъ, поколику мы такъ ее понимаемъ; ибо я гадаю, что разсудительность должна быть чѣмъ-то полезнымъ и добрымъ. Итакъ, сынъ Каллескра, положивъ, что она есть знаніе нетолько знанія, но и незнанія, и вызвавшись доказать свое положеніе, докажи сперва то, о чемъ я сей часъ говорилъ ¹, то-есть, возможно ли это; а потомъ къ доказательству возможности присоеди-ни и до-
- С. казательство пользы: тогда вдругъ увѣришь меня, что слова твои о разсудительности,—что такое она, справедливы.

- Слыша это и замѣтивъ, что я недоумѣваю, Критіасъ пришелъ въ состояніе тѣхъ людей, которые, видя предъ собою зѣвающихъ, сами дѣлаютъ тоже. Мнѣ показалось, что мое недоумѣніе заставило и его подвергнуться недоумѣнію. Однакожь, привыкши къ похваламъ, онъ стыдился присутствующихъ и не хотѣлъ признаться, что не можетъ разрѣшить предложенныхъ мною вопросовъ, а между тѣмъ не говорилъ
- Д. ничего яснаго и только прикрывалъ свое недоумѣніе. По этому, чтобы продолжить нашъ разговоръ, я сказалъ: впрочемъ если угодно, Критіасъ, предположимъ пока, что знаніе знанія возможно, и будемъ разсматривать, такъ ли это, или нѣтъ. Давай же. Если это возможное всего; то можно ли не знать, кто что знаетъ и чего не знаетъ? Вѣдь это, кажется, значитъ знать себя и быть разсудительнымъ. Не такъ ли?—Такъ, от-
- Е. вѣчалъ онъ; да и должно быть такъ, Сократъ: вѣдь кто обладаетъ знаніемъ, которое знаетъ само себя, тотъ конечно таковъ, каково то, чѣмъ онъ обладаетъ. Напримѣръ, кто обла-

¹ Докажи сперва, о чемъ я сейчасъ говорилъ, πρῶτον μὲν τοῦτο ἔδειξι, ὅτι δυνατὸν ἀποδείξαι σε, ὃ νῦν δὴ ἔλεγον. Слова ἀποδείξαι σε, виѣствъ съ Гейндорфомъ, Шлейермахеромъ, Беккеромъ и Штальбомомъ я признаю за глоссему; потому что здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, можетъ ли Критіасъ доказать положеніе, а о томъ, возможно ли оно.

даетъ скоростію, тотъ скоръ, кто красотою — красивъ, кто знаніемъ—знающъ; и такъ какъ знаніе знаетъ само себя, то и знающій равнымъ образомъ будетъ знать самого себя.—Но мое сомнѣніе не въ томъ, сказалъ я, знающій это самое знаетъ ли самого себя, а въ слѣдующемъ: человѣку, обладающему этимъ самымъ, необходимо ли знать, что онъ знаетъ и чего не знаетъ?—Да это одно и то же Сократъ.—Можетъ быть; толь- 170.
 ко вѣроятно и я всегда одинъ и тотъ же, то-есть, все еще не понимаю, какъ можно знать и то, что кто знаетъ, и то, чего кто не знаетъ.—Какая твоя мысль? спросилъ онъ.—А вотъ какая, отвѣчалъ я: знаніе, будучи знаніемъ знанія, можетъ ли различить что-нибудь болѣе, кромѣ того, что это—знаніе, а то — незнаніе?—Нѣтъ, именно столько.—Слѣдственно знать и не знать здравое, знать и не знать справедливое—будетъ одно и то же?—Никакъ.—Но первое, думаю, относится къ искусству В.
 врачебному, второе—къ политикѣ; а третье есть не иное что какъ знаніе.—Какъ же иначе?—Стало быть, кто не приобрѣлъ знанія ни о здоровомъ, ни о справедливомъ, а знаетъ одно знаніе, поколику имѣетъ только знаніе знанія; тотъ, зная, что онъ знаетъ и имѣетъ нѣкоторое знаніе, все таки знаетъ и о себѣ и о другихъ. Неправда ли?—Да.—Но какъ этимъ знаніемъ узнаетъ онъ то, что знаетъ? Вотъ, на примѣръ, здравое онъ знаетъ вра- С.
 чебнымъ искусствомъ, а неразсудительностію, гармоническое—музыкою, а не рассудительностію, домостроительное—наукою домостроительства, а не рассудительностію; такимъ же образомъ и все. Или нѣтъ?—Явно.—Рассудительностію же, если только подъ нею надобно разумѣть знаніе знаній, какъ узнать ему, здравое ли знаетъ онъ, или домостроительное? — Никакъ.—Между тѣмъ, кто не знаетъ этого, тотъ не будетъ знать, что именно онъ знаетъ, а только — что онъ знаетъ.— Выходить.—Слѣдовательно быть рассудительнымъ, или рассу- D.
 дительность есть знаніе не того, что именно знаешь и чего не знаешь, а того, какъ видно, что знаешь и что не знаешь.— Должно быть. — Слѣдовательно, когда одинъ говоритъ, что онъ знаетъ нѣчто, — другой не можетъ изслѣдовать, дѣй-

ствительно ли знаетъ онъ то, что признаетъ себя знающимъ, или не знаетъ: изслѣдователь, повидимому, будетъ знать только то, что другой имѣетъ какое-то знаніе, а чего именно

Е знаніе,—разсудительность не поможетъ ему знать.—Явно, что не поможетъ.—Значить, онъ не отличить врача, который только выдаетъ себя за врача, а въ самомъ дѣлѣ не врачъ,—отъ того, который въ самомъ дѣлѣ врачъ; равно какъ не отличить и другихъ знатоковъ отъ незнатоковъ. Мы рассмотримъ это на слѣдующемъ основаніи: если разсудительный, или кто другой, хочетъ отличить дѣйствительнаго врача отъ мнимаго, то не такъ ли поступить? о врачебной наукѣ онъ говорить съ нимъ не будетъ; потому что одинъ врачъ, какъ сказано, знаетъ здоровое и больное. Не правда ли?—Конечно такъ.—А о знаніи и искусный врачъ ничего не знаетъ; потому что знаніе мы при-

171. писали одной разсудительности.—Да.—То-есть, онъ не знаетъ и о врачебной наукѣ, поколику врачебная наука есть также знаніе.—Справедливо.—И такъ разсудительный хоть и знаетъ, что врачъ имѣетъ нѣкоторое знаніе, однакожъ, вознамѣрившись испытать, въ чемъ состоитъ оно, не будетъ ли изслѣдывать, къ чему оно относится? Развѣ не тѣмъ опредѣляется каждое знаніе, что оно не только есть знаніе, но и въ чемъ состоитъ, къ чему относится?—Именно тѣмъ.—А врачебное-то искусство почитается знаніемъ, отличнымъ отъ прочихъ знаній — конечно потому, что опредѣляется понятіемъ о здоровьѣ и болѣзни.—Да.—По этому, желающій изслѣдовать врачебное искусство необходимо долженъ изслѣдовать его въ томъ, въ чемъ оно

В. состоитъ, а не въ иномъ внѣшнемъ, въ чемъ не состоитъ.—Безъ сомнѣнія.—Значить, надлежащій изслѣдователь будетъ разсматривать врача въ кругу здоровья и болѣзней, дѣйствительно ли онъ искусный врачъ.—Выходитъ.—То-есть, будетъ разсматривать и слова и дѣла его именно въ этомъ отношеніи: слова,—вѣрны ли онѣ, дѣла—правильно ли совершаются?—Необходимо.—Итакъ, безъ врачебной науки нельзя испытывать никого изъ нихъ? — Конечно нельзя.—Нельзя, какъ видно, никому-таки, кромѣ врача,—даже и разсудительному?

иначе, при своей разсудительности, онъ былъ бы и врачомъ. — С. Такъ. — Значить, нѣтъ сомнѣнiя, что когда разсудительность есть только знанiе знанiя и незнанiя, то она не въ состоянiи отличить ни врача, знающаго свою науку, отъ того, который не знаетъ ея, а думаетъ и приписываетъ себѣ знанiе, — ни всякаго другаго, что-нибудь знающаго: отличить она развѣ подобнаго себѣ разсудительнаго, какъ дѣлаютъ и прочiе мастера. — Явно, сказалъ онъ. — Но какую пользу получили бы мы, Критiасъ, отъ разсудительности, когда бы она была такова? Если бы разсудительный, какъ было положено сначала, зналъ, что онъ знаетъ и чего не знаетъ, зналъ, что первое ему извѣстно, а послѣднее неизвѣстно, и могъ бы изслѣдовать другаго въ тѣхъ же отношенiяхъ; то разсудительность, говоримъ, была бы намъ весьма полезна: тогда жили бы безгрѣшно и мы сами, потому что обладали бы ею, — и другiе, потому что находились бы подъ нашимъ руководствомъ; тогда и Е. мы сами не брались бы дѣлать то, чего не знаемъ, а искали бы людей знающихъ и имъ ввѣряли бы исполненiе тѣхъ дѣлъ, — да и другимъ, которыми управляемъ, внушали бы дѣлать то, что дѣлая, они могли бы дѣлать правильно, а это значило бы дѣлать то, что знаешь. Такимъ образомъ разсудительность хорошо устроила бы и домъ, хорошо управляла бы и городомъ, и всѣмъ другимъ, чѣмъ свойственно ей управлять: потому что гдѣ нѣтъ грѣха, гдѣ каждое 172. дѣло производится справедливо; тамъ люди, подобнымъ образомъ настроенные, безъ сомнѣнiя, живутъ хорошо и благополучно; а живущiе благополучно, счастливы. Не то ли, Критiасъ, говорили мы о разсудительности, спросилъ я, когда утверждали, что весьма хорошо знать, что кто знаетъ, и чего не знаетъ? — Именно то, отвѣчалъ онъ. — А теперь видишь, такого знанiя нигдѣ не оказывается. — Вижу, сказалъ онъ. —

Но добро, продолжалъ я, котораго мы ищемъ въ понятiи о разсудительности, — это знанiе знанiя и незнанiя, не состоитъ ли въ томъ, что человѣкъ, обладающiй имъ, учась чему-ни-

- будь иному, учится легче и на всякій предметъ смотритъ яснѣе, поколику кромѣ того, чему учится, видитъ еще знаніе? Равнымъ образомъ въ тѣхъ вещахъ, которымъ учится, не
- С. лучше ли онъ испытываетъ и другихъ, между тѣмъ какъ, безъ этого условія, испытаніе производится слабѣе и хуже? Не такое-ли что-нибудь, другъ мой, доставляетъ намъ разсудительность, тогда какъ мы изслѣдываемъ и ищемъ въ ней чего-то больше, нежели сколько она въ себѣ заключаетъ?— Можетъ быть, отвѣчалъ онъ.— Можетъ быть, сказалъ я; а можетъ быть, мы и не нашли ничего полезнаго. Я замѣчаю, что разсудительность у меня—нѣчто странное, какъ скоро она такова.
- Д. Разсмотримъ, если угодно. Положимъ, что знанію можно знать; не отвергнемъ и прежняго положенія, что разсудительность есть знаніе того, что знаемъ, и того, чего не знаемъ; согласимся съ этимъ: но допустивъ все это, изслѣдуемъ обстоятельнѣе, принесетъ ли намъ такая разсудительность какую-нибудь пользу. Сказавъ недавно, что она была бы великимъ благомъ, если бы имѣла какое нибудь значеніе, если бы то-есть управляла и дѣлами и домомъ и городомъ, мы вѣдь, кажется, не хорошо сказали, Критіасъ. — Почему? спросилъ онъ.— Потому,
- Е. му, отвѣчалъ я, что легкомысленно признали великимъ благомъ для людей, если бы каждый изъ насъ дѣлалъ, что знаетъ, и предоставлялъ другимъ знающимъ дѣлать то, чего самъ не знаетъ.— Такъ это нехорошо? — Думаю, не хорошо, отвѣчалъ я.— Ты, Сократъ, говоришь по истинѣ странности. — Клянусь собакою, что и мнѣ тоже кажется. Вѣдь вотъ и недавній взглядъ мой на предметъ представилъ мнѣ его страннымъ,— и я побоялся, какъ бы не ошибиться въ изслѣдованіяхъ.
173. Въ самомъ дѣлѣ, если разсудительность дѣйствительно такова, то вовсе не видно, что могла бы она принести намъ добраго.— Какъ же это? спросилъ онъ. Скажи, чтобъ и мы знали, что ты говоришь. — Кажется, я брежу; впрочемъ мои представленія необходимо изслѣдовать, а не оставлять безъ вниманія, если ты хоть немного заботишься о себѣ.— Хорошо, Сократъ.— Выслушай же сонъ мой, сказалъ я, изъ роговъ ли высплется

онъ, или изъ слоновой кости¹. Если бы нами управляла непремѣнно разсудительность, понимаемая такъ, какъ мы нынѣ опредѣлили ее; то она дѣйствовала бы вѣроятно, по знаніямъ: В. тогда, то-есть, не обманулъ бы насъ ни кормчій, который только носить это имя, а не заслуживаетъ его, ни врачъ, ни военачальникъ; тогда не укрылся бы отъ насъ никто, приписывающій себѣ такое знаніе, какого онъ не имѣетъ. А чрезъ это положеніе дѣлъ, наше тѣло пользовалось бы лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ нынѣ; мы спасались бы отъ опасности и на С. морѣ и на войнѣ; у насъ и сосуды, и одежды, и обувь, и всѣ вещи были бы приготовлены искусно, потому что намъ служили бы истинные мастера. Даже, если бы ты захотѣлъ, чтобъ и прорицаніе мы почли также знаніемъ будущаго и поставили его подъ управленіе разсудительности; то и тутъ отъ хвастуновъ мы отвращались бы, а избрали бы себѣ прорицателей истинныхъ, которые дѣйствительно предъзнаютъ будущее. Представляя родъ человѣческой въ такомъ состояніи, я говорю, что онъ поступалъ бы и жилъ съ знаніемъ; по D. тому что разсудительность — наблюдательница не позволила бы въ наши занятія вмѣшиваться незнацію. Но все еще нельзя сказать, любезный Критіасъ, что, дѣйствуя съ знаніемъ, мы провозждали бы жизнь благополучную и были бы счастливы.— Однакожъ, унизивъ знаніе, сказалъ онъ, не легко найти тебѣ иную полноту благополучія².—Но научи меня еще немно-

¹ Изъ роговъ ли высылется онъ, или изъ слоновой кости — аллюзія къ словамъ Омпра. *Odyss.* XIX. 562 sqq.

Странникъ! конечно бываютъ и темные сны, изъ которыхъ смысла нельзя намъ извлечь, и не всякій сбывается сонъ нашъ. Создано двое воротъ, для вступленія снамъ, безтѣлесныхъ въ міръ нашъ: одни роговые, другія изъ кости слоновой. Сны, приходящіе къ намъ воротами изъ кости слоновой, Лживы, несбыточны, вѣрить никто изъ людей имъ не долженъ. Тѣже, которые въ міръ роговыми воротами входятъ, Вѣрны; сбываются всѣ принесенныя ими видѣнья.

² Полноту благополучія—τέλος τοῦ εὖ πράττειν, то-есть, совершенство счастливой жизни, или какъ бы завершеніе ея приобрѣтениемъ всѣхъ благъ, какими можетъ она украситься. *Phaedon.* p. 78. С.

гому, сказалъ я: о какомъ знаніи говоришь ты? не о томъ ли

Е. какъ шить обувь?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.—Или, какъ обра-
ботывать мѣдь? — Отнюдь нѣтъ. — Или, какъ обходиться
съ шерстью и другими подобными вещами?—Вовсе не то.—
Ну такъ мы не стоимъ въ своемъ словѣ, сказалъ я, что че-
ловѣкъ, живущій съ знаніемъ, счастливъ. Эти люди живутъ
съ знаніемъ, и однакоже ты не признаешь ихъ счастливыми,
а приписываешь счастіе, кажется, только нѣкоторымъ изъ
людей, живущихъ съ знаніемъ. Можетъ быть, по твоему
мнѣнію, счастливъ тотъ, о которомъ я недавно упоминалъ,
то-есть, кто знаетъ все будущее? Такъ прорицателя, или кого

174. другаго называешь ты благополучнымъ?—И прорицателя, и
другаго, отвѣчалъ онъ.—Кого же другаго? спросилъ я: не то-
го ли, кто, кромѣ будущаго, знаетъ и прошедшее, и настоя-
щее, для кого нѣтъ ничего неизвѣстнаго? Предположимъ, по-
жалуй, и такого человѣка. Ужъ конечно ты не укажешь на
другаго, кто жилъ бы съ большимъ знаніемъ, чѣмъ этотъ? —
Безъ сомнѣнія не укажу. — Но я желаю еще знать, которое
изъ знаній дѣлаетъ его благополучнымъ: или, всѣ онъ рав-
номѣрно?—Отнюдь не равномѣрно, сказалъ онъ.—Которое

В. же больше? и что знаетъ оно изъ настоящаго, прошедшаго
и будущаго? Ужъ не игра ли это въ кости?—Какая игра въ
кости!— Такъ не искусство ли счисленія?—О, нѣтъ.—Или, не
врачебная ли наука?—Далеко, сказалъ онъ. — Однакожъ то
знаніе, о которомъ я спрашиваю, безъ сомнѣнія имѣетъ какой-
нибудь предметъ?—Имѣетъ, отвѣчалъ онъ,—добро и зло.—О
лукавецъ! сказалъ я, ты давно уже водишь меня въ кругу,
скрывая, что жить благополучно и счастливо, значить, жить
не съ знаніемъ вообще и не со всѣми другими знаніями, а

С. только съ тѣмъ, которое относится къ добру и злу. Но ска-
жи, Критіасъ: если это знаніе ты отдѣлишь отъ прочихъ; то
искусство врачебное менѣ ли будетъ врачевать, башмачное
менѣ ли будетъ обувать, ткацкое менѣ ли будетъ ткать,
также искусство кормчаго менѣ ли будетъ препятство-
вать намъ погибнуть на морѣ, а искусство полководца —

на войнѣ? — Не менѣе, отвѣчалъ онъ. — Между тѣмъ, D. любезный Критіасъ, привести каждое изъ этихъ знаній въ хорошее состояніе, сдѣлать его полезнымъ, — неудастся намъ, пока не будетъ у насъ того перваго. — Твоя правда. — А первое-то, какъ видно, есть не та разсудительность, но другая, которая должна приносить намъ пользу; потому что она представляется уже не какъ знаніе знаній и незнаній, а какъ знаніе добра и зла; такъ что, если та послѣдняя полезна, то первая была бы чѣмъ-то отличнымъ отъ полезнаго. — Какъ? спросилъ онъ; развѣ она не можетъ быть полезнаю? Будучи знаніемъ знаній, то-есть, господствуя надъ всѣми знаніями, E. она имѣетъ въ своей власти и то знаніе, которое относится къ добру, слѣдовательно можетъ приносить намъ пользу. — Но она ли вракуетъ, или врачебная наука? спросилъ я. Равнымъ образомъ, она ли совершаетъ дѣла, входящія въ область всѣхъ другихъ искусствъ, или каждое изъ нихъ дѣлаетъ свое? Не согласились ли мы давно уже, что разсудительность есть только знаніе знанія и незнанія, не болѣе? Правда вѣдь? — Явно. — Слѣдовательно, не она причина здоровья. — Безъ сомнѣнія. — То-есть, здоровье зависитъ отъ другаго искусства. 175. Или нѣтъ? — Отъ другаго. — А потому она и не причина пользы, другъ мой; такъ какъ это дѣло мы теперь же приписали иному искусству. Не правда ли? — Конечно. — Какимъ же образомъ разсудительность будетъ полезна, не производя никакой пользы? — Кажется, никакимъ, Сократъ.

Видишь ли, Критіасъ? я давно имѣлъ причину беспокоиться и не безъ основанія обвинялъ себя, что не открываю ничего дѣльнаго въ разсудительности. Если бы отъ меня была поль- V. за для надлежащихъ изслѣдованій; то предметъ, считающійся прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ, не показался бы намъ бесполезнымъ. А теперь мы потерялись, мы не можемъ опредѣлить, съ которою изъ вещей нарицатель именъ соединилъ имя разсудительности. Предположены были конечно многія: но наша бесѣда показала несообразность ихъ. Предположено

было, что разсудительность есть знаніе знанія: но изслѣдо-
 С. ваніе не дозволило принять и утвердить это понятіе. Пред-
 положено было также, что это знаніе знаетъ и дѣйствія дру-
 гихъ знаній: но опять представилось невозможнымъ почи-
 тать разсудительнаго знатокомъ того, что онъ знаетъ, что
 знаетъ, и чего не знаетъ, что не знаетъ. Мы предположили это,
 правда, очень великолѣпно, не замѣчая, что чего кто не-
 знаетъ никакъ, того не знаетъ и какъ-нибудь; то есть,
 наше мнѣніе приписывало разсудительному знаніе того,
 что онъ не знаетъ; а это, мнѣ кажется, всего безразсу-
 D. днѣ. Такимъ образомъ, хотя изслѣдованіе встрѣтило въ
 насъ людей сговорчивыхъ ¹, не упорныхъ, однакожь не
 могло открыть истину, а только непрестанно осмѣивало ее;
 такъ что, допустивъ и воображивъ какое-нибудь понятіе о раз-
 судительности, оно тотъ-часъ же оскорбительно выводило
 отсюда ея бесполезность. Впрочемъ по отношенію ко мнѣ,
 это еще не такъ досадно; я особенно досажую за тебя, Хар-
 мидъ, что ты, такой хорошій по виду, и сверхъ того, самый
 E. разсудительный по душѣ, ничего не выиграешь отъ этой
 разсудительности, и въ жизни не получишь отъ ней никакой
 пользы. Но всего досаднѣе приговоръ, перенятый мною у Тра-
 кіяца: я заучивалъ его съ большимъ стараніемъ; а изъ него
 не вышло ничего стоящаго вниманія. Впрочемъ не думаю,
 чтобъ это было такъ ²: напротивъ, видно я-то плохой изслѣдо-
 ватель; потому что разсудительность въ самомъ дѣлѣ—вели-
 176. кое благо, и ты блаженъ, если только обладаешь ею. Но смо-

¹ *Людей сговорчивыхъ, ἡμῶν ἐνηθικῶν.* Такъ *ἐνηθικῶν* и *ἐνηθης* нерѣдко упо-
 требляется въ значеніи уступчивости, и противопоставляется τῷ σκληρῷ, упрямо-
 му, который упорно защищаетъ свое мнѣніе. Этими Сократъ косвенно ука-
 зываетъ на несостоятельность положеній и доказательствъ Критіаса; потому
 что Критіасъ охотно допускалъ всѣ моменты наведенія, или частныя положенія,
 изъ которыхъ потомъ, какъ изъ посылокъ, необходимо уже вытекало
 общее заключеніе.

² *Впрочемъ не думаю, чтобъ это было такъ, ταῦτ' οὖν πάνυ μὲν οὖν οὐκ
 οἴομαι οὕτως ἔχειν.* Слова πάνυ μὲν οὖν, очевидно лишнія, а потому должны
 быть признаваемы за глоссема.

три, обладаешь ли? нечувствуешь ли нужды въ приговорѣ? Если дѣйствительно обладаешь, то тѣмъ болѣе совѣтую тебѣ почитать меня болтуномъ и человѣкомъ неспособнымъ къ изслѣдованію чего бы то ни было посредствомъ разговора, а себя—на сколько разсудительнѣйшимъ, на столько и счастливѣйшимъ.—Но клянусь Зевсомъ, Сократъ, сказалъ Хармидъ, **В.** что не знаю, разсудителенъ ли я, или нѣтъ. И какъ мнѣ знать, когда, по твоимъ словамъ, и сами-то вы не можете опредѣлить, что такое разсудительность? Впрочемъ, я тутъ уже не очень вѣрю тебѣ, Сократъ, и живо чувствую, что мнѣ нуженъ приговоръ; да съ моей—то стороны и нѣтъ препятствія принимать его отъ тебя всякій день, пока не скажешь: довольно.— Пусть такъ и будетъ, сказалъ Критіасъ Хармиду: сдѣлавъ с. это, то-есть, поручивъ Сократу приговаривать себя и не оставляя его ни на минуту, ты представишь мнѣ доказательство своей разсудительности. — Вѣрь, что буду слѣдовать за нимъ ¹, не отстану отъ него, сказалъ онъ; притомъ съ моей стороны было бы грубо не послушаться тебя, моего попечителя, и не дѣлать того, что ты приказываешь. — Да, я именно приказываю.—А я съ этого же дня начну выполнять твое приказаніе. — Охъ эти! ² что тамъ у васъ за совѣщаніе? спросилъ я.—Ничего, отвѣчалъ Хармидъ; уже рѣ- **В.** шено.—Не хочешь ли употребить силу, не давая мнѣ права на обсужденіе ³?—Если онъ прикажетъ, сказалъ Хармидъ, то употреблю и силу. Поэтому смотри самъ, что тебѣ лучше.—

¹ Впръ, что буду слѣдовать за нимъ, *ὡς ἀκολουθήσομαι*. Надобно подразумевать *διανοοῦ*, или другой подобный глаголъ. *Matth. Gr.* § 568. 2.

² Охъ эти!—*οὔτοι!* Этотъ звательный падежъ въ формѣ именительнаго со всею точностію перешелъ въ разговорный нашъ языкъ и показываетъ иногда просто негодованіе, чаще же досаду, выражаемую тономъ шуточнымъ. См. *Matth. Gr.* § 312. 1. *οὗτος, τι δράς;* *Arist. Pl.* 439. *αὕτη σύ, ποῦ στρέφεις;* *id. Thesm.* 610.—*Soph. Ai.* 71. *οὗτος, σέ—πρός μολεῖν καλῶ.* *Sympos. Plat.* p. 172. *A. δ Φαληρεὺς οὗτος* *Απολλόδωρος, οὐ πετριμενεῖς.*

³ *οὐδ' ἀνάχρισιν μοι δώσεις. ἀνάχριστις* — слово судебное, по Гарпократіону, *ἐξέτασις ὑφ' ἑκάστης ἀρχῆς γενομένη πρὸ τῶν δικῶν περὶ τῶν συντεινόντων εἰς ἀγῶνα.*

Нечего уже смотрѣть, отвѣчалъ я: когда ты рѣшишься что-нибудь сдѣлать и употребить силу, — никто не будетъ въ состояніи противиться. — Не противься же и ты. — Не буду, сказалъ я.

